

Алексей Олейников

Дженни Далфин

И Скрытые Земли

Где живет колдун

За воротами с семью печатями живет колдовство, и оно жаждет прорваться в наш мир... Дженни Далфин – девочка, с которой ВСЕ начнется.

Дженни Далфин и Скрытые Земли

Алексей Олейников

Где живет колдун

«Автор»

2012

Олейников А. А.

Где живет колдун / А. А. Олейников — «Автор»,
2012 — (Дженни Далфин и Скрытые Земли)

ISBN 978-5-699-59737-6

В каком еще цирке вы увидите клоуна, который вовсе не клоун, а настоящий оборотень, дрессировщик, на самом деле укротитель магических животных, акробаты управляют стихиями, а фокусник просто маскирует волшебство под искусные трюки? Знакомьтесь – это Магус, древнее братство, чья миссия охранять людей от волшебных существ. Но вот уже много лет сообщество бездействует, потому что в мире почти не осталось колдовства. Почти... До недавнего времени все так и было. Пока Дженни не обнаружила на территории цирка ледяную химеру, а та взяла и похитила одного из членов сообщества, паренька по имени Калев. Чтобы спасти его, нужно проникнуть во владение темного мага Альберта Фреймуса. Но тот явно подготовился к встрече...

ISBN 978-5-699-59737-6

© Олейников А. А., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Часть первая. Смерть пахнет розами	6
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	31
Глава 7	42
Глава 8	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Алексей Олейников

Где живет колдун

©Олейников А., 2012

©Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Часть первая. Смерть пахнет розами

Глава 1

Дрессировщик выразительно посмотрел на Марко. Тот, не торопясь, выставил на стол маленькую резную статуэтку из слоновой кости. Три крохотные обезьянки сидели рядом: одна – с закрытыми глазами, вторая – с закрытым ртом, третья – с захлопнутыми ушами.

– Порода макака-резус, – определил Брэдли.

– Это три мистические обезьяны. – Бровь у фокусника слегка дернулась.

– И что они делают? – Девушка с любопытством поглядела на фигурки, но трогать не стала – так, на всякий случай.

– Прикрывают нас. Что бы мы сейчас ни обсуждали, со стороны человек будет слышать обычный пустой разговор, – пояснил Марко. – Вот, к примеру, наша милая хозяйка миссис Ллойд, стоящая за дверью, слышит, как мы рассуждаем о целебных свойствах корнуоллских туманов или вкусе устриц с лимоном. А если амулет задействован в полную силу, то сторонний наблюдатель видит не нас, а вообще каких-то других людей, а вскоре и вообще забывает об этом.

– Здорово, – оценила девушка. – Но зачем нам прятаться?

– Есть причины. – Брэдли сел за стол. – Дело в том, что мы нашли Калеба.

– Что? – Дженни показалось, что она ослышалась.

– Калеба видели в Честертоне. Это городок рядом, на границе Дартмура. Паршивец жив-здоров, почти забирал в городе! Я тут поспрашивал... у разных людей. В общем, у Альберта Фреймуса в Дартмурских болотах немаленькая усадьба.

– В каких-каких болотах?

– Это большой национальный парк, недалеко от нас, – пояснил Марко. Он задумчиво барабанил пальцами по столу.

– Когда я узнал о том, что Фреймус может оказаться рядом с вами, то сразу приехал, – продолжал Брэдли. – Слишком все это. Конечно, это может быть простым совпадением...

– Совпадений не существует! – Франчелли стукнул пальцами по столешнице. – Во всяком случае, когда речь идет о Магусе.

– Ну, не знаю... – Роджер не стал спорить.

– Я-то полагал, мы спрятались от Фреймуса, – помрачнел Марко. – А мы к нему в гости приехали. Завтра же уезжаем в Шотландию!

– Никуда я не поеду, – заявила Дженни. – Я вот тоже считаю, что совпадений не бывает. Так что... я с тобой, Роджер! И только попробуй возражать.

– Джен... – Роджер в замешательстве поглядел на фокусника, развел руками. – Ты вообще о чем?

– О том самом! Думаете, я не понимаю? Вы же хотите Калеба вытащить!

Дженни переводила горящий взгляд с дедушки на дрессировщика, пыталась встретиться с ними глазами, но Роджер внимательно разглядывал стол, а Марко и вовсе смотрел в окно. Холодным безучастным взором.

– Вы... хотите меня оставить?! Роджер, Марко, да вы что?!

Тяжелая долгая пауза. Дженни не сводит глаз с Марко. Роджер не знает, куда деть руки – большие кулаки с короткими пальцами, поросшими рыжим волосом. Сильные руки, сколько раз он валил медведей за загривок или отшвыривал вызверившихся лаек. Куда их сейчас девать?

Очень тихо. За окном звенит звонок велосипеда.

– Дедушка... я же почти спасла Калеба. – Дженни едва не плачет, но упрямо кусает нижнюю губу. – Ты же сам говорил, что нельзя сдаваться. Никогда.

Марко поворачивается, смотрит на нее долгим испытующим взглядом.

– Он там один с этой тварью. И с колдуном, – не успокаивается Дженни. – А я должна сидеть на попе и тихо дышать?!

Роджер хмыкнул, потянулся:

– Я тебе говорил, что она не усидит на месте?

– Хотелось верить, что у нее хватит на это ума. – Марко поправил круглые очки, и желтые стекла слегка ослабили его холод взгляда. – Не хватило.

– Я...

– Баста! – Марко повел ладонью, будто обрезая нить ее голоса. – Ни ты, ни Роджер понятия не имеете, куда хотите сунуть нос.

– Ты знаешь закон. – Брэдли наконец-то нашел применение рукам – он методично сминал пивную банку в алюминиевый комок. – Она в Магусе, Франчелли. Она вольна...

– Я знаю закон, – такой жесткости в голосе дедушки Дженни никогда не слышала. Он всегда был сдержан и скуп на эмоции, но сейчас... – Поэтому не могу ей запретить.

– Что?! – Дженни аж подпрыгнула. – Дед...

– Я пойду с вами! – оборвал ее Марко.

– А я все гадал, когда же ты присоединишься, – повеселел Роджер. – Стало быть, нас семеро: Дьюла, Людвиг, Эдвард и Эвелина тоже в деле.

Дженни подхватила львенка, потрепала по ушам:

– Семеро и мадагаскарский лев!

– Я бы не спешил радоваться, – остудил ее восторги Марко. – Без подготовки ты и шагу не ступишь. У тебя будет очень насыщенный месяц, миа кара¹.

– Н-да... – сочувственно вздохнул Роджер и вручил Дженни розу, скрученную из пивной банки. – За все надо платить.

...В субботу Дженни проснулась раньше обычного. Лежала, накрывшись одеялом с головой, и думала.

Как же все перевернулось за какие-то два месяца!

Еще в начале августа все в ее жизни было просто и понятно. Она была Дженни Далфин, приемная внучка Марко Франчелли, акробатка и помощница фокусника, и они жили и работали в цирке-шапито «Магус». У нее были друзья – воздушные акробаты-близнецы Эдвард и Эвелина, силач Людвиг и его помощник Джеймс. У нее были враги – дрессировщик Роджер Брэдли, хам и грубиян, и его помощник Калеб.

Но однажды ночью все изменилось.

Она обнаружила, что Роджер занимается контрабандой редких животных. Ну, если быть честной, она подслушала разговор дрессировщика с его поставщиком.

И какой черт ее дернул творить добро и чинить справедливость?! Сказала бы деду или директору Биллу Фейришоу, что Брэдли занимается темными делишками, и они бы сами разобрались.

Но Дженни решила наказать его сама. Наверное, потому, что ей было жаль животных. И еще потому, что она терпеть не могла дрессировщика и вечно с ним сталкивалась – с переменным успехом, надо сказать.

¹ Моя дорогая (*итал.*).

Ночью она прокралась к клеткам и освободила мадагаскарского льва. Который, несмотря на свое грозное название, оказался лишь котенком фоссы – редкого и загадочного животного с острова Мадагаскар, дальней родственницы кошек и куниц. Впрочем, этот «котенок» обещал вырасти в зверюгу немалых размеров.

Второе животное Дженни в ту ночь не смогла спасти – и слава богу! Ей страшно повезло, что она не смогла открыть герметичный контейнер – ведь там прятали соволемура (или ледяную химеру)! Страшное магическое создание, которое было сотворено в лабораториях темного мага – «темника» Альберта Фреймуса.

Сказал бы ей кто-нибудь полгода назад, что она всерьез будет верить в магию и всякое колдовство!

Но ей пришлось.

Откуда же она могла знать, что детеныш фоссы был антагонистом для химеры – существом, которое подавляло магические способности этой твари?! Стоило ей забрать львенка, как химера вырвалась на свободу.

И похитила Калеба.

Если честно, Дженни с Калобом всегда была на ножах. Случись с ним что-нибудь более... обыкновенное, скажем, ногу бы он себе вывихнул или даже сломал, Дженни бы мало его жалела. Но угодить в объятия ледяной химеры... такой участи она не пожелала бы даже злейшему врагу.

Эта тварь поглотила Калеба, втянула внутрь себя и попыталась улететь прочь – к своему хозяину. К Главе ковена Западной Англии, темному магу Альберту Фреймусу по прозвищу Щелкунчик.

Как потом оказалось, именно он загипнотизировал Роджера Брэдли и заставил подписать контракт на доставку ледяной химеры в Англию (то есть на самом деле привезти ее самому себе). Для чего? Для того чтобы химера сбежала – ведь по контракту ответственность за доставку соволемура лежала на всех членах цирка «Магус». И если бы химера сбежала, они обязаны были бы возместить Фреймусу ущерб. А он мог потребовать все, что ему вздумается.

С трудом, но Дженни все-таки признала, что колдовство существует, особенно когда увидела, как ледяная химера в августе заморозила весь цирк.

Но она никак не могла взять в толк: что же темному магу нужно было от них, бедных циркачей, которые вынуждены кочевать по всей Британии, чтобы заработать себе на жизнь?

Однако оказалось, что в цирке «Магус» скрывается, как в русской матрешке, еще один Магус – невообразимо древнее сообщество людей с особыми способностями. Люди Магуса, или Люди Договора, как они называли себя, были потомками первых шаманов, которые со времен первобытных племен защищали людей от сверхъестественных существ – эльфов, сидов, фейри, альвов, троллей, пикси, баньши и сотен прочих созданий. Всех их называли первые, потому что они появились на Земле раньше человека. Постепенно люди и *первые* научились жить вместе (благодаря усилиям Магусов) и заключили Договор о том, что не будут мешать друг другу. *Первые* ушли в Скрытые Земли оставив людям привычный мир – Внешние Земли, и даровав людям Магуса, которые с той поры стали именоваться Людьми Договора, особые способности.

Однако не всем это понравилось. Уход *первых* тяжело отразился на магах и колдунах – он подорвал сами основы их Искусства. В попытках вернуть себе прежнюю силу маги увлеклись слабо изученной областью Искусства – алхимией, а также обратились к темным ритуалам, требующим кровавых жертвоприношений. И еще... они развязали войну на уничтожение против Магусов. Столетиями они преследовали Людей Договора, пытаясь отомстить за уход *первых* и выведать секреты Магуса.

Те немногие из Людей Договора, кто выжил, вынуждены были скрывать свою сущность – многие из них стали циркачами и век за веком изображали бродячих артистов.

Это длилось так долго, что почти все Магусы превратились в цирки и позабыли о своем предназначении. С развитием науки почти исчезли и маги, и древняя вражда между «темниками» и Людьми Договора, казалось, иссякла.

Однако именно Альберт Фреймус, один из самых сильных колдунов Британии, подстроил ловушку, в которую угодил дрессировщик Роджер Брэдли, и едва не получил власть над Магусом Англии.

Он бы добился своего, если бы не Дженни Далфин. Кто бы знал, каких усилий ей это стоило – ведь никто ей не помогал в сражении с соволемуром, кроме мадагаскарского львенка и Роджера Брэдли! Но она сумела поймать химеру и освободить Калеба от ее власти, она добыла подлинное Имя химеры и заставила колдуна признать контракт выполненным, а значит, он не мог ничего требовать от Магуса.

Она победила. Она исправила ошибку, которую допустила, когда освободила львенка. Но Калев... он ушел вместе с колдуном и химерой! А значит, дело еще не сделано. Его надо спасти.

Вчера они – Роджер, дедушка, сама Дженни и немного львенков – обсудили, что делать дальше. Решили, что Дженни будет сидеть тихо и ждать сбора команды.

Роджер уехал, через месяц он вернется с остальными «штурмовиками», как выразился Марко.

А Дженни места себе не находила! Сколько времени она тупо просидела на подоконнике, как фикус в кадке. Вчера перед сном пошла на простое сальто назад – едва в стену не впилилась! И что же – еще месяц ничего не делать?!

Поэтому она завела будильник на шесть часов и, что самое удивительное, нашла в себе силы подняться.

«Так, Далфин. Или быстро взяла себя в руки, или марш на свалку!». Дженни распахнула шкаф. По стенам запрыгали солнечные зайчики. Сколько можно киснуть дома!

Фоссенш наблюдал за порхающими по комнате футболками, куртками и модными джинсами из бельевой корзины. Необычная активность хозяйки его обрадовала.

– Срочно входить в форму! Ага, вот и она! – Дженни надела пару длинных черных леггинсов. Поверх них натянула носки из разных пар – один кислотно-зеленый, другой лимонно-желтый.

– Теперь топ... – Она надела простую футболку безымянной китайской фирмы, а поверх нее тонкий, но теплый свитер с капюшоном из верблюжьей шерсти, весь разукрашенный ярким зелено-желто-красным орнаментом в духе южноамериканских индейцев. Затем извлекла из пыльной коробки под кроватью кроссовки цвета ядерного апельсина.

– Ха! – В зеркале выплывало нечто невообразимое, но в точности отражающее всю глубину мировой скорби, ее терзающей.

– Ну как, зверь?

Львенек взволнованно застучал хвостом.

– Не нравится? – Дженни посмотрела на отражение. – Да, брат, ты прав. Я забыла самое главное.

Она протанцевала к кровати и вытащила из-под подушки скомканную шапочку. Грязно-розового цвета с растрепанным помпоном на макушке. – Вот теперь все! Ну что, львья?

Фоссенш выпрыгнул из корзины и выбежал из комнаты.

Девушка еще раз оценила свой бесподобный вид, подмигнула и спустилась вниз. Настроение улучшалось.

Дед уже готовил кофе, сосредоточенно помешивал его в глиняной джезве² и – о чудо! – что-то напевал себе под нос!

² Джезва (тур. *Cezve*), другое название «турка» – сосуд для приготовления кофе по-турецки. Выглядит, как сужающийся

Дженни аж застыла. «Битлз»? «Фифти цент»? Старушка Мадонна? В музыке она разбиралась слабо. Ошарашило ее другое – Марко пел! Такого за ним не водилось.

– Доброе утро. – Дженни с опаской зашла на кухню. В последний раз он пел... да никогда он ничего не напевал, не водилось за ним такой привычки!

– Доброе утро, синьорита Далфин, – не оборачиваясь, пробормотал дедушка. – Сегодня вы рано.

– В самый раз. Пойду на пробежку.

– Я только «за», – согласился дедушка, отставил джезvu с поднявшейся кофейной пеной. – А вернешься, будем кофе пить по-мароккански... Пресвятая Мадонна и двенадцать апостолов! Куда ты в таком виде?

– Разве мне не идет?

– Ты похожа на беженца из Эквадора! Сними хотя бы эту ужасную шапку.

– Вот еще! – фыркнула девушка. – Чао, нонно³!

– Чао, миа кара⁴! – Марко вернулся к кофе. Попробовал его и поморщился:

– Так, перца многовато...

Прохладный ветерок оведал лоб, нежаркое ласковое солнце чуть грело спину. Дженни бегом поднималась по узкой извилистой улочке вверх, от гавани и причалов, от спокойного моря, лижущего подошвы меловых скал.

Утро было прозрачное, осеннее и чуть пахло яблоками и терпким запахом поздних роз, еще цветущих в палисадниках. Дженни бежала мимо бордовых и белых розовых кустов по обе стороны улицы, и ей казалось, что она бежит сквозь открытую оранжерею. На улицах не было ни души, улицы пустынные и тихи – лишь розы лили свой густой аромат в ладони бризу, поднимавшемуся от моря.

И ни души в такую рань – только редкие продавцы открывали свои лавки, стогая со ступенек толстых рыжих котов. И те и другие провожали ее одинаково удивленным взглядом. А она мчалась вверх, чувствуя, как застоявшаяся кровь разгоняется по жилам и тело, сонное и ленивое с утра, оживает, наполняется горячей силой.

«Я. Должна. Войти в форму!» – чеканила Дженни, прыжками преодолевая крутой подъем.

Она замедлила ход, чтобы перевести дух, но не остановилась – никогда, ни в коем случае нельзя останавливаться, как бы плохо ни было! Надо бежать вперед – это она знает железно.

И поэтому Дженни продолжала движение, хотя больше всего ей хотелось присесть на ближайшую скамейку, упасть на дорожку или просто рухнуть на траву.

Через пятнадцать минут она уже хотела тихо скончаться – наступила самая тяжелая часть пробежки, когда первый запас сил исчерпан, а организм еще не привык к нагрузкам: еще не понял, что это – всерьез.

Дорога провела ее мимо складов и офисных зданий на окраину. Здесь асфальтовое шоссе уходило прямо, а налево круто поднималась на холм грунтовая дорога. Дженни, несмотря на усталость, заметила, как это красиво – лента мелкого красного гравия, на которую наброшена еще прозрачная, утренняя тень от старых раскидистых ив.

На подъеме Дженни пыхла, как беременная барсучиха. Она слабо представляла, как выглядит барсук вообще, а уж беременная барсучиха – тем более, но чувствовала, что сейчас похожа именно на нее.

кверху металлический ковш с длинной ручкой. Обычно джезvu изготавливается из ковanej меди.

³ Дедушка (*итал.*).

⁴ Моя дорогая (*итал.*).

– Зараза! – Дженни преодолела самый тяжелый участок и не выдержала – на мгновение остановилась. Согнулась, упершись руками в колени, и тяжело задышала.

«Слава богу, хоть не видит никто, – подумала Дженни, обтирая лицо ладонью. – Такое позорище. Рожа красная, пот ручьем, а всего полчаса пробежалась!»

– Меньше сладкого жрать надо, – назидательно заметили откуда-то сверху.

Дженни вскинула голову.

В развилке ивы, болтая ногами, сидел мальчишка примерно ее возраста. Насмешливые серые глаза, усыпанный веснушками нос, чуть вздернутая верхняя губа, обнажающая передние зубы, – прикус у мальчишки, надо заметить, был неважный. Да что там говорить – скверный прикус. Коренный житель Бакленд-он-Си (а она отчего-то сразу поняла, что он местный) с большим интересом наблюдал за Дженни. Потной, красной и злой, как черт.

– Тебе чего надо?

– «Судзуки Катана 600», – последовал неожиданный ответ. – Объем двигателя – 656 кубиков, на трассе выдает больше ста пятидесяти.

– В смысле? – захлопала глазами Дженни.

– Ну ты спросила, что мне надо...

– Чего тебе от меня надо?!

– Раз мотоцикл у тебя просить бесполезно...

Дженни уперла руки в бока и посмотрела наверх не без интереса.

– ...то даже и не знаю. Может, расскажешь историю твоей не слишком успешной жизни?

– Интересно, ты хамишь всем незнакомым девушкам? Это такой убогий способ познакомиться?

– Нет, только тем, кто бежит так, будто за ним гонится бригада пластических хирургов. С аппаратом для откачки жира.

– Тебя туда собаки загнали? – поинтересовалась Далфин. – Есть в тебе что-то заброшенное. Как в котенке. Или ты туда залез, чтобы хоть в чем-то быть выше остальных?

– Люблю высоту, – ухмыльнулся парень. – Отличный вид, чистейший воздух, орлы парят, по скалам овцы скачут. В розовых шапках.

– Бедняга. Ты съел папины таблеточки от депрессии? – осведомилась девушка, размахивая руками, чтобы не остывать. Вот отдохнет чуть-чуть, словесно попинает этого древесного жителя – и обратно бежать. – А может, не ту марку лизнул? Или добрый порошок понюхал? Ты посиди там, я вернусь в город и пришлю помощь.

– Не расстраивай горожан, они думают, что чудовище в розовом ушло из Бакленда навсегда. Могут сжечь с перепугу.

«Сбить его вниз, и все дела! – Дженни примерилась. – Вон и палочка подходящая валяется. Я ее подцеплю...»

Девушка глубоко вздохнула. Ей скоро штурмовать резиденцию темного мага, надо тренироваться, а не состязаться в остроумии с сельскими дурачками.

– Чао, маугли, – ядовито улыбнулась она. – Когда освоишь прямохождение, найди палку-копалку и займись делом – червячков наковырай, например.

Она развернулась и побежала обратно. Розовый помпон прыгал на шапке в ритме «а-мне-наплевать».

– Закатывайся еще, пончик, – гостеприимно предложил парень. – Мне будет тебя не хватать.

Достал перочинный нож и задумчиво вогнал его в кору.

Обратно двигаться было проще – она спускалась к морю, и городок выступал ей навстречу, раскрывался, как каменная раковина, и жемчужина моря трепетала в его сердцевине.

«Вот ведь дитя джунглей! – Из головы не выходил этот наглый обитатель ивы. – И откуда такие берутся?»

Она миновала центр Бакленда – площадь, на которой углами сошлись сувенирный магазин, здание почты, полиции и муниципалитета (три в одном, как в шампуне), булочная и красная телефонная будка.

Будка была новенькая, блестящая лаком и металлом и приятно радовала глаз на фоне грубых каменных стен.

Из булочной вышли две дамы лет шестидесяти – в шляпках успокаивающих оттенков и платьях покроя «боже, храни королеву».

– Это самое нелепое убийство, которое ты совершала, Мэри!

Дженни замедлила шаг.

Женщина помоложе, в шляпке нежно-кремового цвета, остановилась и возмущенно переспросила:

– Что? Хочешь сказать, ты бы убила его лучше?

– Я бы сделала это намного профессиональнее! – отрезала ее собеседница в фиолетовой шляпке. – Уж точно не при помощи отравленной иголки граммофона!

– Возможно. Но для этого тебе надо совершить хотя бы одно удачное убийство!

Дамы фыркнули и, одинаковым жестом поправив сумочки на плечах, разошлись в разные стороны.

«Что это было?» – Пребывая в легком ошеломлении, Дженни зашла в булочную.

– Простите... сейчас отсюда две женщины вышли.

– Да, – важно кивнул низенький индус в белом фартуке. – Два кекса и четверть фунта пахлавы взяли.

– Да-да, это существенная информация, – кивнула Дженни. – Но разве вы не слышали, как они говорили...

– Об убийстве? – Индус сверкнул белозубой улыбкой. – Вы не здешняя, мисс?

– А какое это имеет значение? – опешила девушка.

– Просто в это время года они всегда говорят об убийствах. Сплошные убийства и пахлава, ха-ха! Отличное время! Хотите халвы, кстати? Свежайшая...

– Н-нет, спасибо. – Дженни торопливо покинула кондитерскую.

«Местные жители, очевидно, с приветом, – озабоченно думала Дженни по пути домой. – Причем с большим».

Она только сейчас обратила внимание, что на улицах довольно много женщин – в возрасте примерно от тридцати до семидесяти. Далеко не все из них были одеты в стиле конца Британской империи, многие выглядели вполне современно, но всех их отличал какой-то безумный огонек в глазах.

В какой-то момент Дженни поняла, что движется к набережной в толпе этих дам. А вокруг стоит деловитый гул и над головой летают фразочки типа:

– ...топором проломила голову, представляешь, как вульгарно?

– ...я считаю, что цианид давно вышел из моды. В настоящее время убивать цианидом – это дурновкусие.

– Да, гораздо изящнее подсыпать толченые алмазы – способ дорогостоящий, но верный.

– ...перерезала горло струной от банджо, представляешь?!

Краем глаза Дженни увидела переулочек и прыжком раненой лани рванулась туда. И бочком, бочком, пока сбрендившие дамочки не двинулись за ней, рванула домой.

«Не знаю, что вообще в этом Бакленде происходит, но лучше держаться от этого подальше», – решила она.

Больше приключений по пути домой не было, если не считать того, что ей попался на глаза этот ивовый бандерлог. Он шел вниз по Черри-стрит и рот раскрыл, когда ее увидел.

Дженни пробежала мимо с совершенно отсутствующим видом, будто его и не существует в окружающей реальности. И даже не подумала обернуться, когда завернула к себе в пансионат.

А зря, иначе она бы могла насладиться картиной тотального изумления, в котором пребывал молодой человек.

Глава 2

Через день она снова ступила на беговую тропу.

Правда, на сей раз Дженни отправилась другим путем – не в гору, а вниз, на набережную.

Пробежалась она отлично, а на обратном пути погоняла жирных горластых чаек, пообщалась с полудохлыми медузами у пирса и отыскала отличнейшую сухую корягу на пустынном песчаном пляже. В размытые солью дырки от сучков она положила белых камушков. Коряга одной стороной походила на Билла Фейришоу, а если ее повернуть, то с другой стороны – вылитый Дьюла.

«Нельзя такую красоту бросать на пляже – решила девушка. – Отнесу Марко, он оценит».

Пляж переходил в песчаную косу, которая тянулась далеко в море и упиралась в небольшой остров, запирающий бухту Бакленд-он-Си. На острове располагался модный отель – весь из стекла и белого дерева и несколько небольших коттеджей. По песку в сторону острова уходил вдаль тракторный след, наполовину сглаженный волнами. А у самой набережной стоял странного вида агрегат: зеленый кузов на высоких тракторных колесах с навесом и двумя рядами скамей вдоль бортов. На одном из концов этого... транспорта виднелись руль и водительское кресло.

Старик в синем рабочем комбинезоне копался в моторном отсеке.

– Простите, это устройство вообще для чего? – Дженни постучала корягой по тракторному колесу, выкрашенному красной краской.

«Устройство» отозвалось глухим металлическим звоном.

Механик выпрямился и прищурился, вбуравливаясь маленькими серыми глазками в девушку. Он был чуть выше Дженни, коренаст, с небольшим пивным брюшком и уже давно перевалил за половину земной жизни. Лицо у него было обветренное, с седой щетиной и жесткими складками около рта.

– Недавно к нам приехали, да?

– И почему всех так это волнует? – возмутилась Дженни.

– Эта штука туристов возит. На остров, да? – буркнул механик. – Вода поднимается и косу затапливает. Прилив называется.

– Спасибо, я в курсе, что такое прилив...

– ...и только на нашем Льве туда можно добраться.

– Льве? – изумилась Дженни.

– На «Красном Льве» Бакленда-он-Си! – несколько торжественно сказал механик.

После чего, видимо, сочтя, что дальнейшие объяснения бессмысленны, вернулся к работе.

Дженни примерно минуту озадаченно созерцала агрегат, потом осторожно заметила.

– Простите, мистер...

– Билл Чапли. – Старик не поднимал головы. – Я тут вообще-то работаю, да?

– А меня зовут Дженни Далфин. Мистер Чапли, но ваш Лев... он...

– Чего еще?

– Он зеленый.

Механик выпрямился, посмотрел на нее с сочувствием:

– Разумеется, зеленый. Каким же ему еще быть, господи?

– Но вы же сами сказали, что это «Красный Лев» Бакленда-он-Си.

– Конечно, Красный! – Старик начинал терять терпение.

– Но он же зеленый! – Дженни чувствовала, что вступила на опасную тропу, ведущую к бездне безумия, но природное упрямство не давало ей остановиться. – Как Ирландия. Как шпинат. Как моя тоска!

Механик в явном раздражении уронил гаечный ключ на крыло и глубоко вздохнул.

– Слушайте, мисс Даблин...

– Далфин...

– Мисс, вы не уважаете жителей Бакленда?

– Да вы что?! Очень уважаю. Меня прямо распирает от уважения. Но цвет...

– Кузов зеленый. Но колеса-то у него красные!

На этот аргумент Дженни не нашла возражений. Она в глубокой задумчивости прошлась по набережной. Затем вернулась к «красной» гордости Бакленда, из-под которой торчали тощие ноги Чапли в стоптанных кроссовках.

Бежать дальше не хотелось. Всю охоту к спортивным упражнениям этот старикан ей перебил.

Продолжать диалог тоже особого желания не было, однако механик неожиданно проявил инициативу.

– Эй, Балфин... – донеслось из-под днища.

– Далфин я, Далфин.

– Ну да, я и говорю, Малфин. Не поможете? Надо вот этот шланг подержать. А я его прикручу, да?

Дженни без особого энтузиазма взялась за черный липкий шланг. Механик бодро заскрипел ключом и, видимо, желая отблагодарить за помощь, завел светскую беседу. Как он ее понимал.

– Вы, часом, ничем не болеете, мисс?

Дженни аж подпрыгнула.

– А что, по мне заметно?

– Хм, видок у вас такой... чахлый.

– Вы сама галантность, мистер Чапли, – едко заметила девушка.

– Это да, – довольно отозвался старик. – Мы, Чапли, всегда галонностью отличались.

Мой папашка мог целый галлон пива зараз уговорить. Так, стало быть, вы не больны?

На основе каких фактов мистер Чапли делает свои странные выводы, Дженни не поняла. Поэтому просто кивнула, забыв даже о том, что механик ее не видит. Это не помогло. Ее молчание Билл Чапли расценил как знак, что он на верном пути в своих умозаключениях.

Он вылез и без обиняков спросил:

– Значит, вы из этих?

Дженни издала неопределенный звук. Ей захотелось оказаться дома и закрыть двери на все замки. Аборигены начинали ее пугать.

– Не расслышал, мисс...

«Не отцепится, – с тоской подумала девушка. – Старикашка глуховат, но въедлив. Что же ответить? Откуда я – из этих или из тех? Соглашаться или все отрицать? Что выгодней?»

– Я здесь проездом...

– Все мы здесь проездом, да, – философски заметил мистер Чапли. – То есть вы не агатовед?

– Кто?!

– В смысле, кристолог, да?

– Я ни первое, ни второе, – с облегчением ответила Дженни. – Я с дедом. А что такое эти ваши... веды?

– Так они каждый год сюда приезжают. – Механик почесал затылок грязной пятерней. – Как осень, так эти дамочки валом на остров съезжаются. Поклонники Агаты Кристи, да. Исследователи, значит, ее книжек.

– Агата Кристи? А это кто?

– Вроде как писательница детективов, – пожал плечами мистер Чапли. – Знаменитая. Говорят, на весь мир. А... по ней еще фильмы снимали. Этот... «Восточный экспресс» и «Десять негрят». Вот они, значит, агатоведы собираются в этом отеле на острове и изучают эту Агату Кристи.

– Детективы... – Дженни задумалась, а потом аж подпрыгнула. – Так вот почему эти ненормальные тетки говорили про убийства! Они агатокристоводы!

– Не, они спокойные. Только на убийствах повернутые малость. – Механик снова взялся за ключ. – Ладно, заболтался я, Далфин. «Красный лев» сам по себе не поедет. Через два-три начнется у нас завоз. Когда этих кристоводов полный кузов наберешь, так колеса в песок уходят. Дамочки-то в теле. Не приведи господи заглохнуть на косе. Прилив подойдет, и фьюить...

Мистер Чапли выдал музыкальную фразу художественного свиста, повертев ключом в воздухе.

– В каком смысле... фьюить? – заморгала Дженни.

– Унесет в море.

– То есть... – Девушка взглянула в безмятежную белесую даль.

– С концами! – И Чапли даже сплюнул для убедительности. – Все, бегите куда бежали, мисс.

Он решительно углубился во внутренности «Красного Льва».

Дженни поправила шапочку и побежала домой. Мало ли чего, еще в море смоем.

Какая замечательная вещь – коряга. Сухое дерево, просоленное, отполированное волнами и высушенное солнцем и ветром, так и просится в ладонь. Ею можно колотить по деревьям, волоочь по траве, проводить по заборам, слушая дробный перестук штакетника, или просто крутить над головой.

Дженни возвращалась домой легкой трусцой и развлекалась с деревяшкой, которую подарило ей море.

Завернув за угол, на ставшую уже почти родной Черри-стрит, она едва не сшибла с ног парня.

– Осторожнее! – возмутился он, когда коряга просвистела над головой.

– Ой, простите... – смутилась Дженни, но тут разглядела, с кем ее столкнула судьба. С тем самым мальчишкой, сидевшим на дереве. С местным острословом, красой города Бакленд. – Ха! Ты уже эволюционно развился?

– Ох ты! – заморгал парень. – Это же «девочка – закатите меня на холм». Разве ты можешь перемещаться без посторонней помощи?

– Тебе следовало остаться на дереве, – с печалью заключила Дженни. – В твоём лице человечество ничего не приобрело.

– Зато в твоём приобрело сразу двух человек по цене одного.

Дженни вздохнула и опустила корягу. Дед не одобрит, если она нанесет этому... телесные повреждения.

– Тяжело сталкиваться с реальностью? Смирись с жестокой правдой и сядь на диету.

«Дружок, у нас слишком мало времени, чтобы тратить его на такие глупости, – слова Марко прямо звучали в ушах. – Он просто наглый мальчишка. Ты знаешь и умеешь в сто раз больше него. Забудь и иди дальше».

Дженни отогнала заманчивую мысль навесить хотя бы пару синяков коренному обитателю Бакленда и молча прошла мимо. До гостиницы миссис Ллойд было рукой подать.

Было бы здорово идти и гордиться, какая она взрослая и рассудительная, но парень увязался следом. Он шел позади и буквально сверлил взглядом спину.

«Вот привязался!»

Дженни знавала таких. Теперь будет слоняться следом и не давать проходу. Чтоб он провалился!

– Куда же ты? Береги сердце, с таким весом тебе опасно так быстро двигаться.

– Пол Догерти!

Дженни оглянулась. Это была хозяйка их гостиницы, миссис Ллойд. Она шла с большим пакетом в руках, из которого торчал пучок зеленого лука.

Мальчишка как-то разом сник.

– Привет, ба.

– Ты донимаешь моих постояльцев? Дженни, он грубил?

– Ну... – Девушка задумалась. Он назвал ее «ба»?!

– Нет, мы обсуждаем погоду, – отреагировал мальчик. – И вообще, мне пора.

– Куда, интересно? Прогуливать уроки?

– У нас отменили последний. Мистер Честер заболел.

– Значит, у тебя есть время помочь старой больной женщине.

Пол покорно принял на руки пакет и пошел вперед, к гостинице. Но у миссис Ллойд была хватка баклендской чайки – она никогда не выпускала рыбешку так легко.

– А вчера заболела мисс Даунинг? А позавчера вообще слегли все учителя?

Мальчик ускорил шаг.

– Не сердись на него, милая, – посоветовала миссис Ллойд, идя налегке рядом с Дженни. – Он хороший мальчик, ему просто не хватает внимания.

– Ба! – Пол заметно занервничал, припустил вперед еще быстрее.

– Отец вечно в море, а мать работает и тоже редко бывает дома... Сама понимаешь, растет, как подорожник, без всякого ухода. Прогуливать вот начал.

– Ну ба... – Пол возмущенно приплясывал у двери. – Мне домой пора, уроки делать.

– Смотри-ка какая тяга к знаниям! – поразилась старушка. – Ты на него положительно влияешь, милая.

– Ну что вы... – пробормотала Дженни. Она была в большом смятении. Этот наглый и вредный Пол – внук миссис Ллойд?! Вот так сюрприз. Это что же, он теперь постоянно будет здесь околачиваться? Вот она влипла.

– В таком возрасте девичье общество полезно, – авторитетно заключила хозяйка. Она вошла на крыльцо своей половины дома и открыла дверь.

Гостиница – двухэтажный домик позапрошлого века – была разделена на два крыла. В одном жила хозяйка, а другое она сдавала. Именно там сейчас обитала Дженни с Марко.

– Всего доброго, – ошарашенно попрощалась Дженни и пошла к своему входу.

Этот невероятный и сулящий множество последствий факт следовало обдумать.

– Куда это вы собрались, молодой человек? – услышала она, уже закрыв дверь. – Мы с вами еще даже не начинали.

«А я на Марко злюсь. Он меня из-за такой ерунды, как прогул или невыученный урок, никогда не ругал»

– Джен, где тебя носило? – Дед выглянул в прихожую из кухни. В руках его виднелся толстенный фолиант в кожаном переплете. – Сегодня мы приступаем к изучению Краткого справочника запрещенных существ.

– Это Краткий справочник? Какой же тогда подробный?!

– О, его привозят на тележке! Живо сюда, птица Алконост с Аспидом тебя заждались.

«Стариков всех на специальном заводе делают, – трагически осознала Дженни. – Занудно-литейном!»

Глава 3

Она, конечно, не надеялась, что Пол оставит ее в покое, но все же не ожидала, что их встреча произойдет так скоро.

Следующим утром, в субботу, во внутреннюю дверь, разделяющую половины дома, деликатно постучали.

Марко открыл. На пороге стояла миссис Ллойд, придерживая Пола за плечи. Хватка у бабушки была нежная, но крепкая.

– Доброе утро, мистер Франчелли. Привет, Дженни. – Миссис Ллойд лучилась доброжелательностью.

– Здравствуйте, Розалинда. Чем обязаны?

– Это мой внук, Пол Догерти, – миссис Ллойд перешла сразу к делу.

Пол вяло кивнул.

– Они с Дженни уже познакомились. Я подумала, девочка одна в чужом городе и у нее совсем нет друзей. Пол мог бы устроить ей небольшую экскурсию...

Дженни едва не свалилась с табурета на кухне.

– В самом деле? – Марко задумался. – А что, не такая плохая мысль. Пол, серьезно?

– Да, – пробормотал мальчик, напряженно изучая мыски своих кроссовок. – Типа мог бы. Набережную, рыбообделочный цех, все памятные места Бакленда...

«Нет, нет, нет!» – Дженни запаниковала. Такого предательства она от деда не ожидала.

– Дженни, сходи, развейся.

– Не, не могу... – девушка соскочила с табурета. – Очень приятно и все такое, но мне надо учиться. Повторить раздел на букву «В». В той книге, дед, ну ты понимаешь...

– Даю выходной на полдня.

Дженни поглядела в окно. Осеннее солнце плясало на каплях дождя, прошедшего утром, и искры, казалось, хором пели: «Лови мгновения, жизнь проходит».

Она взглянула на Пола. Тому явно хотелось куда-нибудь исчезнуть. В мечтах он, наверное, уже мчался по дорогам Шотландии на верном металлическом коне. Оставляя за собой лишь запах выхлопных газов и жженой резины и разбитые сердца девушек в придорожных кафе.

– А почему бы и нет? – махнула она рукой. – Давай прогуляемся.

– Вот и славно! – просияла Розалинда Ллойд. Она хлопнула мальчика ладонью по спине, придав направление движения, и Пол понуро побрел к выходу. – Девушка на твоём попечении, милый. Веди себя как джентльмен.

– Непременно, – пробурчал Пол, открывая дверь перед Дженни. – После вас, мисс.

– А я пригляжу за твоим дедом, дорогая! – Голос у миссис Ллойд зазвучал неожиданно по-девичьи задорно, и Марко Франчелли издал странный звук – нечто среднее между стоном и смехом.

Они медленно шли по Черри-стрит. Пол так напряженно изучал брусчатку под ногами, что Дженни стало его жалко. Она хотела помучить его подольше, но так и быть.

– Предлагаю сделку. – Они как раз достигли конца улицы.

Мальчик оживился, поднял голову:

– Какую?

– Разбегаемся каждый по своим делам. А часа через три встречаемся здесь и рассказываем старикам, как прекрасно провели время.

Пол просиял:

– А ты не так глупа, пончик!

– Еще один намек на мой вес, и мы с тобой будем гулять под ручку на набережной! – вскипела Дженни. – Каждый день. Интересно, что твои друзья скажут?

Мальчик вздрогнул.

– Слушай, я не удержался. Прости. Ты и не толстая совсем, если честно. Просто тебя это бесит. А это смешно, когда человек бесится. Когда я вижу, как человека что-то достает, не могу удержаться. Шутки сами с языка слетают.

– Лучше тебе язык прикусить, – рекомендовала Дженни. – Я ведь серьезно.

– Все-все, мир! – Пол развел руками. – Я нем, как камбала.

– Почему камбала?!

– Разве ты встречала говорящую камбалу?

– Нет, но мне кажется, рыбе с такой внешностью есть что сказать. Наверное, собеседника подходящего нет.

Они прошли до перекрестка.

– Ну, через три часа здесь же? – деловито спросил Пол. В его голове, очевидно, уже сложились четкие планы, как провести середину субботу. И Дженни Далфин в эти планы не входила.

Девушка вдруг поняла, что ей обидно.

– Ага, давай. – Она кивнула, и мальчик пошел прочь.

«Сама же предложила такую сделку, – подумала Дженни. – И зачем мне этот Пол? Мне нужна свобода, а не прогулки с местными остряками».

Пол уходил по улице легкой походкой, держа руки в карманах.

Почему-то от этой легкости было обиднее всего.

«Дался он мне, – недоумевала Дженни. – Какое мне до него вообще дело? Интересно, а сколько ему лет?»

Дженни запрыгнула на парапет. Здесь уклон холма, на котором стоял город, был слишком велик. Поэтому улица упиралась в мощеную площадку и расходилась двумя рукавами лестниц.

«Лучший способ выкинуть из головы всякую ерунду – это тренировка. В Бакленде из всего оборудования, наверное, есть только гимнастический конь в местной школе. Эх, мне бы на трапецию – и под купол!»

Она примерилась. Парапет широкий, с мужскую ладонь. Проспект, а не парапет. Слева брусчатка, справа метра три высоты и черепичная крыша с водостоками. Плевое дело.

– Тебе жить надоело?

Пол держал в руках два рожка с мороженым и удивленно за ней наблюдал.

– Мы же вроде договорились? – удивилась девушка.

– Там живет миссис Робин, – мальчик ткнул за спину, – там вдова Оливер, там – мисс Флокс. Все они члены клуба «Баклендский садовод».

– И что?

– Моя ба – бессменный председатель клуба «Баклендский садовод», – с тоской пояснил Пол. – У нее здесь везде глаза и уши. Так что если мы с тобой сейчас разбежимся, уже вечером она об этом узнает. Я только сейчас сообразил.

– Ясно. – Дженни не могла сдержать улыбку. – Значит, нет выхода? Мы, типа, прикованы друг к другу?

– Вроде как.

– И ты, как гостеприимный хозяин, отвечаешь за то, чтобы со мной ничего не случилось?

– Это ты к чему? – заморгал мальчик.

Дженни качнулась и прокрутила один оборот колеса по парапету.

– Эй!

Девушка прошла еще раз в другую сторону.

– Ты чего... как ты... слушай, перестань! – взмолился Пол. – Там же высьтица! Все кости переломаешь. Ба меня убьет.

– Так ты о себе думаешь? – возмутилась Дженни. Она встала на руки и выпрямилась. – Давай извиняйся.

– Что?!

Дженни оторвала одну руку и балансировала на второй.

– Хорошо! Я просто подразнить хотел. Ты же приезжая. К тому же такая смешная была с этой розовой шапкой...

– Это что, извинения, по-твоему? У меня рука устает.

– Прости, ты совсем не толстая, ты... класная! – выпалил Пол.

Дженни с облегчением спрыгнула на землю. Хотелось более эффектно, с кувырком, но сил не осталось. Простое упражнение, а так ее вымотало!

– С каким сиропом? – Ей надо срочно подкрепиться.

– Чего?

«Нет, он все-таки туповат».

– Мороженое с каким сиропом?

– Клубника и...

– Давай клубнику. – Дженни выхватила рожок и облизала подтаявшую верхушку.

«Какая вкуснотица!» Она поскакала вниз по лестнице. Настроение улучшилось. Может, прогулка была не такой уж плохой идеей. Сколько возможностей открывается...

– Ты гимнастикой занимаешься? – Пол нагнал ее.

– Нет. Акробатикой. Цирковой.

– Да ладно...

Дженни фыркнула:

– Тебе еще нужны доказательства?

– Ну... – Пол почесал в затылке, смешно закусил губу щербатыми зубами.

– Не есть! Приду, проверю! – Девушка вручила ему рожок и направилась к фруктовой лавке. Прошла вдоль лотка с фруктами и выбрала четыре апельсина. Продавец, старик-кореец, вручил их ей в бумажном пакете.

– Что дальше? – поинтересовался Пол.

Дженни резко и сильно подбросила пакет вверх – так, что апельсины вылетели из него, и, пока они падали, выполнила сальто назад на месте. И тут же, поймав апельсины, начала ими жонглировать. Пакет тем временем плавно опустился на землю.

Кореец и Пол смотрели на нее с одинаково изумленным выражением лица. А Дженни жонглировала, все больше усложняя ритмический рисунок: фонтан, полускад, перехваты, круг. Потом она включила броски из-за спины, затем – над головой, потом начала вбрасывать апельсины из-под ноги и ловить их за спиной, а завершила показательное выступление, встав вверх ногами – с опорой на одну руку и поймав все апельсины в пакет.

Когда Дженни встала на ноги, продавец захолопал и торжественно, с поклоном, вручил ей большой ананас.

– Ой! Спасибо. – Дженни раскраснелась и слегка запыхалась. Конечно, Полу она ни за что не признается, что она допустила пару ошибок, которых никто, кроме нее, не заметил – слишком долго не тренировалась.

Мороженое Пола медленно капало с рожка.

– Теперь веришь?

Парень кивнул:

– Это было круто. Очень. И ты прямо живешь в цирке?

– Ага. Когда посетители уходят, мы все на манеж ложимся и спим вповалку.

– А звери не мешают? – прищурился Пол.

– На чем мы, по-твоему, спим? Лучше хвоста тигра подушки не бывает. Разве что медвежья лапа.

Пол засмеялся:

– Я б на это поглядел.

– Я бы тоже, – развеселилась Дженни.

Они дошли до центральной площади и рухнули на скамейку.

– А откуда ты приехала?

– Из Суррея. – Дженни с хрустом доедала рожок. – А до этого – из Сассекса. А до этого – из Гемпшира. А еще, из Шотландии, из...

– Ничего себе, – поразился мальчик. – Вы по всей Англии кочуете?

– Не только по Англии. Иногда на континент выезжаем.

– Обалдеть! – Глаза у Пола загорелись. – И к вам в цирк можно записаться? А трюки с техникой у вас есть? Прыжки на мотоциклах, например. Через горящие кольца.

Дженни задумалась.

– Нет, у нас традиционный цирк, – с сожалением сказала она. – У нас через кольца только леопард прыгал. Но он заболел потом, обжегся, наверное. И Брэдли его увез. Но я слышала, что такие мотошоу в Англии есть. Надо у деда спросить, он точно знает.

– Спроси, а?

Дженни кивнула.

– Хорошо.

Так, болтая, они прошли почти полгорода.

«Надо же, с ним можно общаться, – подумала Дженни. – Если предварительно обработать бабушкой...»

– А как тебя к нам занесло? И где твои родители?

– Ну, мы тут... отдыхаем, – уклонилась Дженни от точного ответа. – Сезон тяжелый выдался.

Не рассказывать же ему про Магус, химеру и колдуна? Он и в цирк сначала не поверил, а уж в это...

– А родителей у меня нет, – сказала Дженни и удивилась – как легко она это произнесла. – Я с Марко выросла.

Пол помолчал.

– А мои есть, а как будто их и нет. Отец все время в море, а когда не в море, то в пабе. А мама на работе постоянно. Они вообще не общаются.

Дженни не знала, что ему ответить. В молчании они спустились на небольшую набережную города Бакленд-он-Си.

– Сколько же их... – растерянно заметила Дженни.

Женщины с сумками, чемоданами на колесиках, саквояжами толпились на набережной. Солнечные очки, сумочки, зонты, веера. Улыбки, полные яда или доброжелательные, легкие разговоры, где слова порхали, как бабочки, и жалили, как пчелы. Агатоведы оккупировали город.

– Сто пять человек, – сказал Пол. – Это же поклонники старушки Агаты. У них ежегодный заезд, обычное дело. Теперь неделю на острове будут развлекаться, а потом уедут. Останутся только финалисты, шесть человек.

– Финалисты?

– Ага, у них каждый год проходит конкурс на лучшее убийство. Написанное, конечно.

– Звучит жутко, – заметила Дженни. – А ты откуда столько про них знаешь?

– Да их каждый в Бакленде знает, – изумился Пол. – Это же местная достопримечательность. У нас тут вообще шагу нельзя ступить, чтобы не попасть в очередное историческое место или не вляпаться в какую-нибудь историю. К тому же у меня мама на острове, в отеле работает.

– Seriously? – Дженни подпрыгнула. Положительно, идея миссис Ллойд отрядить ей проводника оказалась весьма плодотворной. – И ты сможешь меня туда провести?

– Да чего там делать? – скривился Пол. – Скучота на этом острове. Редкая чайка долетит до середины косы, от тоски упадет. Давай я лучше автосалон тебе покажу.

– С мотоциклами? – догадалась девушка. – Ценю твое предложение, но в другой раз. Сегодня – на остров!

Мальчик поморщился:

– Видишь полоску на горизонте?

Дженни напрягла глаза. Далеко-далеко, у самого края моря, виднелась легкая дымка.

– И что?

– Это шторм. Скоро погода испортится, причем капитально. Последние солнечные деньки. И ты хочешь их потратить на какой-то унылый остров? Там только скалы, чайки и ага-товеды.

– Обожаю скалы!

– Нет, – отрезал Пол и отвернулся. Дженни поняла, что настроен он серьезно. К этому замку нужно было найти другой подход.

– Ладно, – отступила она. – Пошли тогда домой, уже пора. Срок твой кончается.

Мальчик с видимым облегчением убрался с набережной.

Они были уже почти на Черрти-стрит, когда Пол снова завел разговор про цирк.

– А что ты еще умеешь, кроме жонглирования и таких трюков?

– Таких трюков? Думаешь, это так просто? Взял и встал на руки? Раз – и пошел крутить сальто?

– Нет, но выглядит просто.

– Спасибо, – польщенная Дженни улыбнулась. – Акробатика – это моя вторая специализация.

– А первая?

Девушка сунула пакет с фруктами ему в руки и на ходу вынула из-за уха у Пола монету в пятьдесят пенсов.

Пол успел лишь уловить, что ее пальцы пахли апельсинами.

– А еще?! – потребовал парень.

Дженни последовательно вынула: два однопенсовика, монеты в пять и десять пенсов, семиугольник в пятьдесят пенсов, заколку для волос, апельсин, полпалочки мятной резинки и выкидной нож.

– Это же мой! – оторопел мальчик.

Он сунул руку в пустой карман.

– Как ты...

– Расслабься, я так на жизнь зарабатываю. – Дженни вручила ему нож и шестьдесят пенсов. – Это твое. У меня мелочь кончилась. Ну, мы пришли. Чао, бамбино!

Дверь захлопнулась за ней, и дверной колокольчик глухо звякнул.

– Марко, я ананас добыла! Давай его съедим! – донесся из дома голос Дженни. – Я голодна, как этот... как его... Левиафан! Вот как!

– Пока, Дженни, – сказал Пол в пустое пространство, сунул руки в карманы куртки и пошел вверх по улице. Он шел и улыбался, сам не зная чему. Наверное, тому, что ее пальцы пахли апельсином.

Глава 4

После пробежки и завтрака Дженни обычно отдыхала. Но не больше часа. Потому что потом по ее душу являлся Марко, держа под мышкой бестиарий⁵. И легче было изгнать дьявола, чем убедить деда, что она сегодня очень устала и совершенно не готова воспринимать новые знания.

Дженни не раскрывала ни одного учебника за все лето. Если бы дедушка решал с ней уравнения или читал Диккенса с Чосером! Она была бы счастлива. Честно-честно.

Но Франчелли преподавал внучке теорию магических существ и основы темного Искусства. Не сказать, что это было труднее, чем решать квадратные уравнения или написать эссе на тему «О чем бы я хотел поговорить со стариком Шекспиром». Даже легче на первый взгляд. «Никаких домашних заданий и творческих проектов», – провозгласил Марко в самом начале обучения, и Дженни возликовала. – Только старая добрая зубрежка», – продолжил он, и с тех пор солнце для Дженни померкло, а небо заволокли тучи. Читать, анализировать, разбивать на смысловые абзацы, вычленять из текста самое главное, запоминать и снова читать. Она сроду столько не читала! Ей уже начали сниться сны в печатном виде.

Причем у Марко была манера проверять усвоенные знания когда угодно и где угодно.

– Миа кара, перечисли наиболее уязвимые места корокота⁶, – спрашивал, бывало, фокусник, глядя, как Дженни доедает омлет с помидорами. И девушка, вылизывая тарелку (от этой некрасивой привычки она категорически отказывалась избавляться, несмотря на все старания Франчелли), перечисляла:

– Глаза, живот, подгрудок в нижней трети. Жрет все, в том числе и трупы, для чего разрывает могилы. Бить его лучше холодным железом, но сойдет все, что подвернется под руку. Способен подражать человеческому голосу и мольбами о помощи заманивать людей в лес. Также может по желанию менять пол и расцветку. Но, по сути, это просто очень злобная и умная собака.

– Эти «очень злобные собаки» используются «темниками» в качестве внешней стражи. Псы способны прогрызть железо. Дальше. Назови отличительные признаки ламии⁷...

Подъем. Пробежка. Душ. Завтрак. Зубрежка. Тренировка на гибкость и растяжку. Обед. Зубрежка. Ужин. Сон. Подъем. Пробежка. Душ...

Так прошла неделя. Пол не появлялся, и Дженни даже немного обиделась. Но потом забыла про него, потому что Марко не давал ей никакой передышки.

Она изучала нескончаемые перечни магических существ, одни названия – язык сломаешь! А ведь были еще и описания. Учила способы подчинения и борьбы – обычные, магические и особые приемы Магуса. Вникала во все подробности разнообразных ритуалов «темников», от описания которых Дженни порой тошнило.

⁵ Бестиарий – энциклопедия магических существ.

⁶ «Если на стоянке вы слышите, как в джунглях три часа подряд зовет на помощь незнакомый женский голос, а при этом ближайšie населенные пункты удалены от вас более чем на сто километров, лучше подумайте хорошенько, прежде чем проявлять рыцарские чувства. Поверьте, корокот их не оценит». Из Краткого справочника запрещенных существ Службы Вольных Ловцов, 2000 г., Авалон-пресс.

⁷ Ламия – злобный дух в образе женщины со змеиным хвостом вместо ног. Ламии высасывают кровь у спящих людей. Способны принимать обличье прекрасных девушек (что роднит их с суккубами) и завлекать юношей, чтобы в укромном месте выпить из них кровь. Однако «больше всего ламии ценят кровь детей, коих похищают из колыбелей в час, когда их родители спят. Даже в Скрытых Землях ламий и подобных им привечает лишь Темный Двор. Договор Магуса хорош хотя бы тем, что навсегда закрыл дорогу подобным премерзким созданиям в мир людей». Из записок Теодоруса Додекайнта. Одни из близких родственников ламий – шотландские Бааван ши, способные принимать облик воронов. В обычном своем виде это златовласые красавицы в длинных зеленых платьях, под которыми они прячут оленьи копыта. Они завлекают к себе мужчин и выпивают их кровь.

– Гадость какая! – восклицала она, отшвыривая очередной том. – Сутки жарить живого кота! Отвратно! Марко, ну пожалуйста...

Но дед был безжалостен. За неделю они одолели четверть «Краткого справочника запрещенных существ», причем Марко выбирал самых опасных и злобных тварей. Нет чтобы почитать про единорогов или гиппогрифов, про феникса или птицу-гамаюн⁸. Сплошь одни горгульи, големы, василиски, драуги⁹, упыри, гули и прочая нечисть.

– Шансы столкнуться в резиденции Фреймуса с добрым сэнмурвом¹⁰ приближаются к нулю, – отвечал дед. – А вот сторожевой голем попадетсЯ наверняка. Следующая страница...

И Дженни открывала справочник. «Откуда Марко знает столько о «темниках»? – подумала она вскользь. – Сам ведь говорил, что Магус никогда не имел с ними дела. И вообще всю жизнь мы бегали от них и прятались...

Бегать всю жизнь! Вот еще! – Она фыркнула и заново принялась перечитывать описание. – Я вытащу Калеба!»

...Дженни спустилась вниз, на кухню, где они обычно занимались (что было очень удобно – всегда можно что-нибудь перехватить, пока соображаешь, как ответить на каверзный вопрос).

«Что у нас сегодня? Семь видов борьбы с василиском? Да нет, уже было... – прикидывала она. – Основные виды драконов?»

Дедушка сидел на стуле и как раз заканчивал завязывать шнурки.

– Переодевайся, – сказал он. – Сегодня мы идем гулять.

– Я же только что с пробежки!

– Давай, престо¹¹, дружок, престо!

⁸ Гамаюн – вещая птица с женской головой и грудью, она поет божественные песни и предвещает будущее тем, кто умеет ее услышать. Символизирует мир, богатство, благополучие, величие. «Голос ее сладкозвучней свирели, там, где является она, стихают распри и споры. Гамаюну ведомы все тайны мира, но редко кто в силах их выведать – едва услышав ее пение, счастливцев забывает обо всем, и все заготовленные вопросы разом вылетают из головы». *Из записок Теодоруса Додекайтта.*

⁹ Драуг – оживший мертвец в скандинавской мифологии. Различаются норвежские и исландские драуги. В первых, как правило, превращаются люди, погибшие в море. Так, например, команда «Летучего Голландца» состоит из драугов. Норвежские драуги отличаются злобным нравом и очень завидуют участи живых, так что при любом удобном случае норовят затащить зазевавшегося рыбака в свой вечный дом – морскую бездну. При этом они не очень ладят с мертвецами, похороненными на суше. «Сказывают о любопытном случае, имевшем место на побережье Северной Норвегии в году примерно 1832-м от Рождества. Случилось так, что один бедный рыбак встретил на пустынном берегу своего товарища, несколько дней тому назад сгинувшего в морской пучине во время преогромнейшей бури. Оживший его товарищ имел вид синий и страхолюдный. Едва рыбак приблизился, он схватил его воистину мертвой хваткой и потащил к воде. Однако ж рыбак, не потеряв присущего северным людям самообладания и прагматизма, не растерялся и закричал: «Эй, все, кто в земле, на помощь!». И тотчас из могил ближайшего кладбища выскочили нормальные добропорядочные мертвецы, возмущенные неадекватным поведением своего собрата-утопленника, и набросились на друга, дубася его крышками от собственных гробов. Тот, видя, что дело плохо, в свою очередь, завопил: «Эй, все кто в море, на помощь!», и из воды полезло великое множество драугов, размахивая обломками весел. Завязалась такая драка, что бедный рыбак насилу унес ноги». *Из записок Теодоруса Додекайтта.* Что касается исландских драугов, то они не отличаются таким пристрастием к морю, однако при этом гораздо опаснее. Они способны менять свой рост и вес, в одно мгновение превращаясь в великанов и раздавливая насмерть несчастных, попавших в их объятия. Цвет тел их – иссиня-черный, любимая пища – живая человеческая кровь и плоть, любимое занятие – кататься на коньках крыш, пока не рухнет дом. Гроб с телом будущего друга так тяжел, что несколько лошадей с трудом везут его, а одолеть такого друга можно лишь голыми руками.

¹⁰ Сэнмурв – в иранской мифологии крылатый морской пес, чье тело покрыто сверкающей чешуей. Живет на острове посреди моря, охраняя Древо Всех Семян. Когда он взмахивает крыльями, то сбивает с ветвей Древа семена, и они падают в воду. Воду, в свою очередь, выпивает конь Тиштар, и она затем разливается дождем, таким своеобразным образом принося семена в почву. От Сэнмурва произошла огромная вещая птица Симург, которая избавляет мир от драконов, и крылатые псы-симарглы. «Если в горах Центрального Эльбурса, на склонах величественного вулкана Демавенд, вы случайно наткнулись на большое гнездо, в котором копошатся милые щенята с еще голыми, неоперившимися крылышками, не стоит гладить симпатичного щеночка или тем паче брать его, такого бедного, к себе домой. Лучше всего быстро удалиться, не приближаясь к гнезду. Поверьте, взрослый разъяренный симаргл – это не то, что вы хотели бы увидеть во время горной экскурсии». *Из Краткого справочника запрещенных существ Службы Вольных Ловцов, Авалон-пресс, 2000 г.*

¹¹ Быстро (*итал.*).

– Скузи¹², синьор Франчелли, – фыркнула Дженни. – Жди теперь.

«Что это Марко придумал?» – размышляла она, подбирая наряд. Она надела растоптанные, но дико уютные мартинсы, драные джинсы (закатать по колено!), белую футболку, а поверх накинула тонкое серое пальто из кашемира. Завершила девушка наряд черной круглой шляпкой с короткими полями.

– Джен?

– Уже готова! – Девушка сбежала вниз. – А он нам зачем?

Марко держал фоссеньша. Зверь довольно жмурился, очевидно, предчувствуя интересные перемены.

– С нами пойдет. – Дедушка сунул зверька Дженни.

– А он подрос, – заметила Дженни. Фоссеньш ощутимо оттягивал руки. – Сколько весит взрослая фосса?

– До семнадцати килограммов.

– Это ж как собака! – поразилась девушка. – Я и забыла...

– А ты думала – хомячка завела?

Дженни только вздохнула – ей было стыдно перед зверем: после тех трех сумасшедших дней в августе она не обращала на него внимания. Даже имя ему не дала! Но что она могла поделать – в голову лезли одни дурацкие клички. Не назовешь же мадагаскарского льва, пусть еще и маленького, каким-нибудь мистером Чарли? Это же чистейшее оскорбление для боевого зверя, который сражался с ледяной химерой.

Тем временем они спустились по Черри-стрит и свернули на Марин-драйв. Дорога изгибалась вдоль бухты, поднимаясь на высокий обрывистый берег. Мимо тянулись светло-голубые деревянные коттеджи. Они поднимались над невысокими каменными стенами, по которым плотным ковром вился темно-зеленый плющ. За стенами цвели розы, стояли, как свечи, молчаливые туи и шумели на ветру раскидистые сосны.

По пути им встретилось всего несколько человек. Дженни подумала, что они с Марко довольно забавно выглядят – он шел впереди, как всегда, в своем затертом коричневом плаще, в помятой шляпе и с зонтом-тростью в руках. Следом она – в пальто и котелке. Ни дать ни взять два итальянских мафиози из старого кино.

«Босс велел напомнить – долги надо отдавать». – Дженни прищурилась и выпалила из указательного пальца в чайку, сидящую на флюгере.

Чайка хрипло заорала, сорвалась с крыши и, судорожно взмахивая крыльями, закружилась над ними.

Марко неожиданно остановился, поглядел на чайку, кивнул.

– Прошу прощения, – сказал он. – Она еще не знает... Да, извините. Разумеется, не повторится. Еще раз извините.

Чайка, недовольно крича, полетела в сторону острова.

Девушка проводила ее взглядом и закрыла рот. Жизнь стремительно усложнялась.

– Ты сейчас с кем разговаривал? – осторожно поинтересовалась она.

– С чайкой.

– Ага... – промямлила Дженни. – Я так и подумала. А что, чайки умеют...

– Да! – отрезал Марко. – И мне пришлось за тебя извиняться. Отпусти зверя – он ходить умеет.

– А он не убежит?

– Зачем? – Дед склонился и пристально поглядел в янтарные глаза:

– Выпускай.

Девушка выпустила фоссеньша. Тот огляделся и потрусил вперед по дороге.

¹² Прошу прощения (*итал.*).

«Чайки! Умеют! Говорить!» – Дженни была в смятении и поэтому не очень понимала, куда они идут. Она никак не могла избавиться от птичьих воплей в ушах и все гадала: – Что же такого это пернатое про нее рассказало?

«А воробьи умеют? А вороны? А мыши-бурозубки?» – девушка не унималась.

Тем временем, следуя за фоссеньшем, они покинули Марин-драйв и по тропинке поднялись на высокий обрывистый берег. Здесь начинались поля, разгороженные низкими каменными стенами. Марко, недолго думая, перелез через стенку и встал, отряхивая ладони от сухого мха.

– Это же частная собственность! – поразила Дженни, оставив навязчивые фантазии о говорящих животных.

– Учитывая, что мы решили вломиться в резиденцию главы Западного ковена Англии, твоя щепетильность не очень уместна.

Девушка перепрыгнула через стену. Некоторое время они молча шли вдоль обрыва. Справа тянулось поле, слева лежало безмятежное море. Легкий бриз слегка морщил нежную морскую гладь, и солнце дробилось и рассыпалось на миллионы бликов на волнах. А ветер поднимался выше – вдоль меловых обрывов, источенных временем и водой, мимо цепких трав, угнездившихся в расщелинах и трещинах камня, мимо гнезд чаек. Он толкал паруса виндсерферов и яхт, и они казались с высоты белыми пятнышками на полотне живого, трепещущего серебра.

А потом ветер перебирался на скошенное поле и бродил прозрачными босыми ногами по колкой стерне.

Дженни показалось, что она уже была в подобном месте – там тоже был обрыв, море, чайки, ветер, и даже фоссеньш.

«Конечно, – вспомнила девушка. – Белые скалы Дувра. В таком же месте я была во время ритуала Древней Земли. Вот странно...»

Зверек описал круг по полю и сел. Марко огляделся и кивнул.

– Здесь.

– Здесь зарыт горшок с золотом? – поинтересовалась Дженни. – Я люблю гулять, но что мы тут забыли?

Вместо ответа фокусник распахнул зонт. На черном фоне переливались нарисованные глаза – золотые с серебром.

– Стильная вещь. Какая марка?

– Это зонт Аргуса. – Марко неспешно стал вращать зонт. – Древняя Греция, ручная работа. Аргус – это титан по прозвищу Панопт, что значит Всевидящий. Он был верным слугой богини Геры, пока бог Гермес его не убил. Все тело Аргуса покрывали глаза, и, говорят, что не было Стража надежней его. Ведь он никогда не спал – пока одни глаза отдыхали, другие бодрствовали.

– Как же его убили? – Зонт вертелся все быстрее, и Дженни не могла отвести взгляда от мерцающего, дрожащего рисунка, возникающего на его полотнище.

– Гермес усыпил Аргуса, наваял волшебный сон. А потом заколол спящего. Прекрасен был Аргус тысячеглазый и огромен, глаза его были – как звезды, а сам он – как небо ночное. Ничто не могло укрыться от его взора...

Зонт шуршал в руках фокусника, и Дженни почувствовала, будто ее затягивает в черно-золотую воронку.

– Что... ты делаешь? – ноги ее не держали, она опустилась на землю, не отводя взгляда от кружащегося зонта. – Опять... эксперименты ста-а...

Девушка зевнула, легла на землю и подложила руку под голову.

– Аргус погиб, но сны его остались, – негромко сказал Франчелли. – Сны путеводные, сны вещие.

Фокусник резко захлопнул зонт. Дженни крепко спала.

Глава 5

Она не заметила, куда исчез дедушка. Только что был рядом, крутил зонтик и рассказывал сказку об Аргусе. Она всего на секунду закрыла глаза. А когда открыла, рядом был только фоссеньш.

– Марко? – Девушка поднялась. – Ты где?

Но лишь ветер пришел с моря – сильный, соленый ветер и погнал зеленую волну по клеверному полю. Зверек, лежавший рядом, подскочил и кинулся бежать – вслед за ветром.

– Ты куда?!

Дженни помчалась за ним. Шелестящий клевер обнимал ее за ноги, и густой запах травы поднимался навстречу, кружа голову. Это был запах такой силы и чистоты, что, остановись она хоть на миг, он сбил бы ее с ног. Но львенок шуршал где-то впереди, и девушка стремилась вперед.

«Откуда здесь клевер? – сонно подумала Дженни. – Все же было скошено...»

Темно-зеленую траву уже высеребрила вечерняя роса, и каждый шаг обрушивал на девушку потоки воды, но она бежала сквозь это клеверное море, оставляя за собой темный след. Отчего-то она была босой – клевер хлестал по обнаженным голеним и охлаждал кожу.

«Где же дед? Куда он подевался? И куда я так быстро бегу? И где город?»

Вокруг не было ни деревьев, ни низеньких каменных оград, разлиновавших поля Девоншира, ни одного дома. Не было даже линий электропередачи!

Только бескрайнее клеверное поле, морской бриз в спину и львенок, мчащийся куда-то большими прыжками. Дженни видела, как взлетает над травой его длинный хвост, и держала курс на этот рыжий флаг.

Сколько она так бежала – непонятно. Может быть, минуту, может, час, может, сутки. Она утратила чувство времени и ощущение усталости. Казалось, Дженни может двигаться вечно – за путеводным хвостом фоссеньша навстречу заходящему, но все еще белому солнцу.

И вот наконец шумящие волны клевера расступились и выпустили ее на лужайку.

Это было не солнце. Высокий белый ясень раскинул ветви далеко над травой и сиял так, что глазам было больно. Не тени, а свет бродил под его колышущейся кроной, лучи гуляли по земле, спотыкаясь друг о друга, и сплетались в светлую сеть, наброшенную на землю. И сыпались на землю и таяли в воздухе прозрачные листья.

Дженни долго стояла и смотрела, как шелестит светлый ясень. Казалось, что волны его света проходили сквозь нее, и на сердце было тихо и спокойно, словно она была одним из его упавших листьев.

«А ведь таких деревьев не бывает, – подумала она. – В нашем мире...»

Эта мысль ее отчего-то не испугала.

Львенок хрипло, совсем не по-кошачьи, замыкал, и Дженни увидела, где он. В самых корнях дерева.

– Ты куда убежал, дурачок? – Девушка сделала шаг вперед, но ветви зашумели и ослепили ее.

Дженни заслонила рукой.

«Что же это? Где я?»

Фоссеньш вскочил и забежал за ствол. Дженни вновь попыталась подойти, но в глаза полыхнуло такой вспышкой, что она отшатнулась.

Подумав немного, она медленно двинулась по кругу, обходя дерево.

Что-то гладкое и холодное коснулось ступни, и Дженни отскочила – ей показалось, что это лягушка или, чего доброго, змея. Однако это был отполированный морем круглый камень, почти заросший травой. А рядом еще и еще...

«Это же дорожка!» – пригляделась Дженни.

Дорожка странная – камни лежали слишком далеко друг от друга, чтобы можно было по ним идти, но они огибали дерево, и Дженни пошла вдоль этой необычной тропинки.

Глядеть на загадочное дерево она теперь побаивалась – в глазах все еще плавали зайчики. Смотрела на камни.

А они были удивительные – большие глыбы глубоко ушли в землю и обросли щетиной многолетней травы, в которой среди выцветших и сухих прошлогодних нитей пробивались зеленые стрелы молодых стеблей. Кто принес эти камни в незапамятные времена, кто вкопал вокруг этого дерева?

«А может, это и не камни вовсе? – мелькнула у Дженни шальная мысль. – Может, это макушки каменных монахов-великанов? А трава – это венчик волос на их выбритых головах. Они бесконечно долго водили хоровод вокруг этого дерева. Так долго, что ушли под землю».

Мысль промелькнула, как комета, и исчезла, но у девушки возникло неприятное чувство, что камни слегка ворочаются в земле – еле заметно, но недовольно. И сзади слышится едва различимый шорох осыпающейся земли и хруст травы.

Дженни пошла чуть быстрее, торопясь завершить круг и поймать львенка. Но тот вильнул хвостом и опять спрятался за стволом.

«Нашел время играть!» – разозлилась Дженни.

Отчего-то она знала, что не может пройти к дереву напрямую и не может быстро обежать вокруг дерева – у этого места свои законы, и она должна их соблюдать. И она послушно пошла дальше, подгоняемая неприятными шорохами. Оглядываться ей категорически не хотелось.

Сделав еще один круг, Дженни поняла, что дорожка из камней выложена в форме сужающейся спирали, в центре которой – дерево. И Дженни постепенно приближается к нему, обходя по часовой стрелке.

«Вот чудеса!» – Дженни машинально поставила ногу на следующий камень. И тут же отдернула.

Камень был горячим!

Девушка оглянулась. Над глыбами поднимался пар, и свет от ветвей пронизывал его. Только сейчас она поняла, что на небе нет солнца, и там, за пределами светового круга, в густой небесной синеве уже проступили звезды. А на границе тьмы и света, там, где царит зыбкая власть сумерек, двигаются громоздкие тени.

Она стояла и вглядывалась, пытаясь понять, что происходит, пока до нее не долетел тяжелый вздох и следом – громкий шум. Шум осыпающейся и разрываемой земли!

Камень, лежащий рядом, неуклюже заворочался. Мучительный стон раздался прямо из-под ног Дженни, и она в ужасе попятилась. Все камни, которые она оставила позади двигались! Вздохи, в которых было больше от ветра и моря, чем от человека, доносились из-под земли.

– Мамачки... – Девушка отвернулась и побежала вперед.

Она быстро сделала еще два круга вокруг дерева и подошла вплотную к стволу. У входа в большую нору в корнях дерева сидел львенок.

– Залезай! – звонко крикнул львенок.

Дженни остолбенела.

Зверек почти по-человечески вздохнул и, подскочив, укусил ее за щиколотку.

– Лезь сейчас же! – завопил львенок, вцепился в штанину и потащил.

Сверху на Дженни что-то посыпалось. Она запрокинула голову...

Над ней нависал громадный каменный столб, влажный от земной сырости. От темно-серого гранита шел ощутимый жар и валил влажный пар.

Узкий и высокий камень, казалось, клонился к ней все ближе. Верхушка его была увенчана шапкой травы и вывороченной грудой земли – комья висели на толстых корнях, словно дикарские бусы вдоль лица, а пятна изумрудного мха походили на клочковатые брови.

«Это сон, – вдруг поняла Дженни. – Я лежу там, на берегу, рядом с Марко, и мне все это снится».

– Это сон, – легко сказала она. – Я не боюсь.

Под шапкой волос из спутанной травы и земли, под мшистыми бровями распахнулись два глаза, доверху залитых золотым огнем, и что-то ударило ее – как исполинская каменная рука, сбивая с ног.

Дженни рыбкой влетела в нору – в непроглядную темноту, тишину и холод.

Глава 6

Марко Франчелли сидел на земле, скрестив ноги, и монотонно стучал в маленький ручной барабанчик. Ритм разносился далеко по полю и вливался странной гармонией в шум моря и резкие крики чаек.

Дженни лежала на земле – Франчелли подстелил ей свое пальто – и крепко спала. Рядом, вытянувшись упитанной коричневой колбаской, дремал фоссеньш.

Фокусник был совершенно неподвижен – только ладони его неустанно отбивали древний, как сама земля, ритм.

Он был спокоен. Иначе нельзя. Без его путеводного барабана Дженни не найдет дороги обратно.

«Она уже слишком задержалась».

Ладони бьют по вытертой коже, и медные кольца подрагивают на обруче барабана...

«Нельзя было отправлять ее *туда* без подготовки».

Хорошая кожа пошла на этот барабан, звонкая, плотная, со странным оранжевым отливом...

«Придется идти за ней на Дорогу Снов. А там тебя давно ждут. Это билет в один конец».

«Через две недели придет Роджер. И Дженни отправится на штурм резиденции одного из самых сильных темных магов Англии».

Фокусник прикрыл глаза. Он старался дышать и сосредоточиться на ритме, но никак не мог отогнать мысли.

«Она так похожа на свою мать. Когда я встретил Эдну, она была старше Дженни всего на пять лет».

Насколько бы все было проще, если бы они с Дженни были обычными цирковыми артистами, в который раз подумалось фокуснику. Жили бы себе нормальной человеческой жизнью – с простыми горестями и радостями, ежедневными открытиями и разочарованиями. Насколько прекрасна человеческая жизнь без всей этой волшебной шелухи!

У Дженни были бы нормальные друзья. Ее ровесники. А не сумасбродные Ловцы, венгерские оборотни или барды-акробаты. Была бы обычная человеческая жизнь...

«Ты знаешь, какой ценой когда-то далась простая человеческая жизнь. – Марко открыл глаза. – Жизнь без ночных чудовищ, похищающих младенцев и подкладывающих уродливых созданий в колыбели. Без демонов, высасывающих жизнь из одиноких путников, застигнутых в ночи. Без мертвецов, встающих из могил и приходящих к порогу родного дома – за своей родной кровью. И ты знаешь, какую роль сыграл Магус в установлении этой жизни».

Он ведь не все рассказал Дженни. Магус был не только первым щитом, но и первым мечом людей, и именно они, Люди Договора, смогли доказать право юного человечества на жизнь в этом мире.

Тысячелетие за тысячелетием людские племена расселялись по планете, и члены Магуса всегда шли первыми. Силой и хитростью, доблестью и мудростью Магус пядь за пядью отвоевывал эту землю для людей и – не мытьем, так катаньем – договаривался с *потусторонними соседями* о правилах совместной жизни.

И вышло так, что когда они обуздали мир сверхъестественного, провели четкую границу, через которую волшебный народ не переступал, то тем самым подписали приговор себе. Приговор забвения. В новом мире, мире людей, Магус был не нужен. Но судьбу не выбирают. Ее можно принять или убегать от нее всю жизнь. Ни один из Людей Договора не в силах забыть о своем предназначении. Марко встречал таких – людей из погибших Магусов или тех, кто когда-то пытался отречься от Договора. Зов Древней Земли никогда не оставлял их – ни ночью, ни днем им не было покоя. Если такой несчастный мог сойти с ума – это можно было считать

удачей. Тому же Дьюле очень повезло, что директор цирка Билл Фейришоу принял его. Человеку Договора необходимо чувствовать себя включенным в Магус, быть членом сообщества. Марко видел клоуна в первые дни пребывания в Магусе Англии – он был уже на грани, и безумие плескалось в его глазах. Ему, как воздух, было нужно членство в Магусе.

«Существование Людей Договора – это ошибка, – горько подумал Франчелли. – Изначально, от природы все люди Магуса были одиночками. Обстоятельства вынудили нас сбиться в кучу, ритуалы нас объединили, и вышло так, что в Магусе каждый сам по себе, но при этом все в ответе за всех».

Он рассказывал Дженни, когда сложилась нынешняя структура Магусов, но вот запомнила ли она?

В начале новой эры, после битвы при Таильтиу, которая привела к изгнанию племен богини Дану¹³ в холмы-сиды, в Скрытые Земли, на Ту Сторону. Именно тогда, на первом большом сходе Магусов, был заключен Договор с эльфами, и *первые* отдали Внешние Земли людям. Тогда избрали Великий Совет Магуса, который и поныне находится на Авалоне¹⁴.

«Мы должны были соблюдать баланс, – подумал Марко, – между Той Стороной и Этой. Между Внешними и Скрытыми Землями. Между *первыми* и людьми. Мы охраняли границу меж мирами: выпроваживали незваных гостей с Той Стороны или, наоборот, умирляли своих соплеменников, защищая каких-то волшебных существ от истребления. Это было правильно.

Но однажды мы поддались соблазну раз и навсегда переломить ход событий в сторону человечества. Мы встали на сторону людей, на сторону гойделов в битве против племен богини Дану на зеленой равнине Таильтиу. И *первые* дрогнули. Был заключен Договор между членами Магусов и *первыми*. Они окончательно ушли на Ту Сторону, оставив нас сторожить двери. Чтобы охранять, нужна сила. И нам ее добавили: немалая доля наших умений досталась нам по Договору от *первых*...»

Казалось, наступил мир. Золотой век. Люди могли мирно жить, не боясь чудовищ, не опасаясь проделок и проказ волшебных существ.

«Конечно, тогдашние члены Магусов не ожидали, что наступит рай на земле, – Марко потянулся, перемещая затекшие ноги. – Но никто из них не думал, что начнется такой ад».

Когда ушли *первые*, люди стали осваивать их земли. Они сводили леса, распахивали долины, осушали болота. Род людской богател и возрастал числом. И неизбежно люди начали

¹³ Племена богини Дану, Туата Де Дананн (др. – ирл. *Tuatha Dē Danann*) – четвертое из мифических племен, правивших Ирландией. Родственники эльфов и фейри. Они прибыли в Ирландию по воздуху на темных облаках, которые застали солнечный свет в течение трех дней. Туата владели волшебными способностями и четырьмя магическими предметами. Копьем Луга, которое всегда даровало победу своему обладателю. Котлом Дагды, который мог накормить любое число людей. Мечом Нуаду, от удара которого никто не мог уклониться или отразить. И камнем Фаль, громко кричавшим, когда на него вставал тот, кому суждено было быть истинным королем Ирландии. Несмотря на все свои способности, туата проиграли битву за Ирландию сыновьям Милля – гойделам, предкам современных ирландцев, потеряли трех своих королей и королей и были вынуждены скрыться в полых холмах-сидах. «По людским меркам сии события произошли давно, и сама память о них уже истерлась. Однако ж многие из туата, бившиеся на клеверном поле Таильтиу, живы и по сей день. И память горит в них светлым огнем печали. Горше же всего то, что туата сами повинны в своем изгнании, ибо первыми пролили кровь и подняли меч на Ита, владыку гойделов». *Из записок Теодоруса Додекайнта.*

¹⁴ Авалон, Эмайн Аблах, Хай-Бризейл, Острова Блаженных, Счастливые острова – у разных народов существуют разные названия этой загадочной земли. Эти острова, «числом трижды пятьдесят», не принадлежат ни миру эльфов, ни нашему миру. Они находятся везде и одновременно нигде, и поэтому достичь Авалона невозможно и в то же время – очень просто, так как он может оказаться в любой точке планеты. Время течет на Авалоне очень медленно, «как густой мед сквозь горлышко песочных часов», и люди, попавшие туда, живут очень долго. На этих островах спит легендарный король Артур, именно сюда увезли меч Эскалибур после его мнимой смерти. И поныне на архипелаге Авалон обитают *первые*, по разным причинам не ушедшие в Скрытые Земли, и различные волшебные существа – такие, например, как птица Гамаюн. Также на Авалоне располагается Великий Совет Магуса и два его подразделения, которые следят за соблюдением Договора и поведением членов Магуса. Полномочия этих структур практически неограниченны. Это СВЛ – Служба Вольных Ловцов, в задачи которой входит поиск и нейтрализация опасных волшебных животных, и Лекари Душ, которые занимаются тем, что обезвреживают тех из Людей Договора, кто потерял контроль над своими способностями. Как правило, этих несчастных ждет Замок Печали – больница тюремного типа на одном из островов Авалона.

воевать друг с другом. Магус мог бы их остановить. Мог бы направить на другой путь, потому что Люди Договора многое переняли у *первых*, но самое главное, чему они научились – это понимание и почитание мира как единого целого. Они умели видеть его сложность и красоту. Они бы могли научить и остальных *видеть*. Боль от того, что делают люди с Внешними Землями, доставшимися им в наследство от *первых*, терзала членов Магусов. Многие из них уже стали сожалеть о выборе, который сделал Магус на поле Таильтиу.

«Потому что суть людей – огонь, – подумал Марко. – Его легко разжечь, но трудно погасить. Первые – это дети Утра мира, а люди – Дети Полудня, в них бродит жаркая сила. Но мы члены Магуса, могли ее обуздать. Если бы...»

Если бы не началась война с колдунами. «Темниками». Адептами темного Искусства. До той поры пути Магуса и колдунов пересекались редко – слишком разными вещами они занимались. Людей Договора интересовали *первые*, обитатели Скрытых Земель, и все, что с ними связано. Все, что несло угрозу людям.

«Темникам» было наплевать на людишек. Они всегда стремились только к знаниям и власти. Для них это были синонимы, потому что они всегда алкали знаний, которые можно использовать. Колдуны шли своими извилистыми путями, их испытующий взгляд достигал таких глубин Тартара, куда ни один из членов Магуса не рискнул бы сунуться. Они дерзали обращаться к существам и духам, чьи имена лучше вообще не произносить. И на этом пути колдуны достигли многого.

Но когда был заключен Договор, все разом изменилось. Многовековая магическая традиция «темников» погибла в одночасье.

«Дженни бы сказала, что когда эльфы уходили из нашего мира, из Внешних Земель, то так хлопнули дверью, что рабочий инвентарь у колдунов вдребезги разлетелся. И колдунам это не понравилось».

Сначала пропадали отдельные члены Магусов, потом начались открытые нападения, захваты, пытки, убийства – «темники» не гнушались ничем, они пытались узнать, что же сотворили *первые* и можно ли это изменить. Новое время, падение Римской империи, появление христианства – все это лишь помогло колдунам. Из любых катаклизмов, любых исторических водоворотов «темники» выходили, укрепляя свои позиции.

Они лишились большей части силы, которая притекала к ним с Той Стороны, силы, основанной на темной Искусстве. Но их власть, построенная на страхах и суевериях, никогда не слабела. Колдуны мастерски манипулировали людьми. И еще у них было золото. Много золота.

«Сначала мы сопротивлялись. Мы дрались. Но Магус никогда не умел сражаться с людьми. Наша задача – их оберегать, а не убивать. И мы выбрали другой путь. Путь бегства».

Избегая назойливых глаз и преследований «темников», Люди Договора рассеялись по земле и нашли себе приют в горах, лесах, в глухих уголках, куда еще не пришли шумные люди. Туда их звала вторая сторона их природы – эльфийская, волшебная, изменчивая. Это казалось правильным: сначала ушли *первые*, а теперь пришло время скрыться и их противникам. Этому миру больше не нужно волшебство.

Люди Договора жили как знахари, травники, охотники, отшельники. Те, кому нужен был их совет, находили к ним дорогу, прочие про них и не ведали.

Но в Средние века на них обрушился гнев инквизиции¹⁵. Их стали обвинять в сношениях с дьяволом. И кто был автором этих обвинений – «темники»! Набравшие еще большую силу,

¹⁵ Инквизиция (от лат. *inquisitio* – расследование) – подразделение католической церкви для выявления и искоренения ересей. Она возникла в XIII веке как инструмент борьбы с еретиками, однако вскоре занялась и охотой за ведьмами, колдунами и богохульниками. «Темники» высокого ранга никогда не попадали в сети инквизиции, зато с удовольствием использовали ее для охоты за Людьми Договора. Инквизиция широко использовала пытки, у обвиняемого не было адвоката. Давать показания против него мог кто угодно – даже отлученные от церкви воры, убийцы и клятвопреступники, чьи показания никогда не принимались в светских судах. Порой даже смерть не спасала от расследования – если покойного признавали виновным, его

опутавшие паутиной интриг королей и иерархов церкви, они никак не могли успокоиться. Воспоминания об утраченном могуществе не оставляли колдунов. Им казалось, что ключ от потерянной власти совсем близко – только протяни руку, вытряси его из этих ничтожных *любителей эльфов!*

Те, кто не погиб на кострах и в пыточных, были вынуждены объединиться. Силы Людей Договора возрастали, если они были вместе, и это давало возможность выжить. Именно так появились Магусы в их классическом виде. Для внешних глаз любой Магус с той поры стал выглядеть цирковой или актерской труппой. Для глаз понимающего он выглядел как круг Людей Договора, спаянных одной неразрывной связью, одной клятвой на Древней Земле¹⁶. Древняя Земля была частицей земли Той Стороны, символом связи Магуса с миром *первых* и проводником их сил. Тогда же, в Средние века, были разработаны ритуалы *посвящения* и *включения* в Магус – потому что отныне нельзя было просто войти в Магус, а надо было приносить клятву Древней Земли. Был создан и страшный ритуал *беспмятного изгнания* – когда преступника исключали из Магуса, лишали всех воспоминаний и оставляли одного. Только таким способом Магусы могли выжить.

За века подобного существования Люди Договора изменились. Никто из них уже не мог быть отдельно, как бы сильно этого ни желал. Вторая часть их природы звала их в тишину лесов и безлюдье гор.

Но они стали циркачами, странствующими комедиантами, музыкантами, скоморохами, дервишами, суфиями... Их гнали на Западе и на Востоке, короли, инквизиторы, последователи пророка Мухаммеда, монголы, османы и любые местные правители, к которым находили подход «темники». Столетие за столетием – больше тысячи лет мстительные колдуны шли за Людьми Договора по следу, пока не наступило Новое время.

К этому времени хватка «темников» ослабла. Возможно, расцвет науки и разума подкошил их. А может быть, власть колдунов ослабил сам ход времени. Век за веком они развивали алхимию, экспериментировали с субстанциями и веществами, проводили кровавые ритуалы, пытаясь достучаться до Тартара, искали способ обойти проклятый Договор. Но все бесполезно. Из их ошибок выросла наука и, окрепнув, отгеснила их. Превратила в глазах людей в шарлатанов. Так что к двадцатому веку и Магусы, и «темники» оказались в одинаково плачевном положении. Те из колдунов, кто действительно что-то еще мог, затворились в своих лабораториях, увлекшись алхимией, химеротворением и созданием артефактов – теми немногими областями темного Искусства, которые остались им доступны. Остальные скатились до положения гадалок, фальшивых магов и поддельных чародеев, зарабатывающих деньги на суевериях.

А Магус... Магус так привык быть в тени, что почти сам в нее превратился. Но пока цела хоть одна частица Древней Земли, принесенная из мира фейри, и жив хоть один член Магуса, Договор нерушим. Волшебный народ будет пребывать в Скрытых Землях, и Врата Фейри будут запечатаны семью печатями Радуги. Уж кому, как не ему, знать про это. Ему, Марко Франчелли, хранителю Синей Печати.

тело извлекали из могилы и сжигали. Тех, кто «упорствовал в своих грехах», инквизиторы отправляли на костер. Последняя казнь по приговору инквизиции состоялась в начале XIX века.

¹⁶ Древняя Земля – артефакт, без которого невозможно полноценное существование Магуса как сообщества. Представляет собой небольшое количество земли, принесенное из Скрытых Земель (Той Стороны) – страны эльфов. Обычно мешочек с Древней Землей зашивают в полотнище, которое расстилают под манежем. Древняя Земля не только символ принадлежности Магуса к двум мирам – миру людей и миру эльфов, но также и мощный усилитель сил Магуса. С Древней Землей неразделим ее дух-хранитель. Ранее Древняя Земля использовалась в обряде *посвящения*, однако это требовало больших сил от всех членов Магуса и зачастую кончалось гибелью кандидатов, из-за чего ритуал посвящения, или *представления* Магусу, был сильно упрощен. Дженни Далфин – единственная девушка за последние три столетия, которая прошла путем Древней Земли (о чем рассказывается в книге «Девочка химера»).

Дженни заметалась, раскинула руки. Марко, не переставая отбивать ритм, привстал и заглянул ей в лицо. Глаза девушки быстро двигались под сомкнутыми веками – Дженни видела сон.

«Только это не сон. Слишком долго для первого раза. – Марко начинал тревожиться. – Куда тебя занесло, Джен?»

– Возвращайся, дружок, – прошептал он, – ты сможешь. В тебе куда больше силы, чем во мне.

Дженни застонала. Зверек тоже вел себя нервно – дергал лапами, будто куда-то бежал, и хвост его колотил по земле.

Марко прикрыл глаза, убыстрил темп барабанного боя и тихо запел, сильно коверкая слова чужого языка:

– Tam stoyalo v pole drevo, tam stoyalo v pole drevo, listom shirokoe, listom shirokoe...

...Нора была куда больше, чем казалось на первый взгляд. Дженни летела вперед, в крошечную темноту, не задевая стенок, а из-за спины доносился затихающий шум. Она обернулась. В проеме, залитом светом таинственного дерева, возникали тени, и комья земли летели ей вслед. Но отверстие было слишком мало для каменных чудовищ и на глазах становилось еще меньше. С этой стороны ей явно не угрожала опасность. Оставалось понять, где она, собственно, находится и куда ее приведет эта кроличья нора. То есть фоссичья. Говорящий лев. Говорящая чайка. Усыпляющий зонтик. Может быть, она заснула после пробежки?

Зверек летел впереди, раскинув лапы в стороны, как белка-летяга, и поводя напряженным хвостом, будто рулем. Дженни показалось, что шерстка его понемногу разгорается собственным, янтарно-золотым светом – так, что она летела за ним следом, как за путеводной звездой.

Точно, звездой! Темнота наполнилась миллионами звезд, и нора, сквозь которую она провалилась, превратилась в один из великого множества мерцающих холодных огней.

«Как в космосе», – подумала она.

Ей стало жутко. Даже если это сон, то из тех, которые не хочется пересматривать.

Звезды стали синхронно мигать.

«Будто это и не звезды вовсе, а... глаза. – Дженни пробилась дрожь. – Глаза титана Аргуса, которые изучают тебя, выворачивают наизнанку до самой последней тайны. И никуда от них не спрятаться – Аргус видит все».

Падение замедлилось, она застыла в темной пустоте, под прицелом мириадом звездных зрачков. Аргус держал ее на необъятных ладонях и пристально рассматривал забавную букашку, нарушившую его покой.

«Это просто сон... – Дженни попыталась успокоиться. – Сон».

– Что ты такое? – Слова накатили на нее, как волны морского прилива в лунную ночь – спокойно, размеренно, но неудержимо.

– Дженни, – выдохнула девушка. В этом голосе звучала такая сила, что противостоять ей было невозможно. Сила спокойная и безразличная.

– Человек... – прогудела темнота. – Что ты ищешь?

– Я... не знаю. Я вообще не понимаю, где это – *здесь*? Это сон или все по-настоящему?

– Это сон. Это по-настоящему.

– Не понимаю.

Тишина и стук сердца Дженни. Больше ничего.

– Здесь нет разницы, – пришли наконец слова. – Здесь слиты сон и явь. Я погиб, и тысячи лет сплю во тьме и холоде. Ты еще жива, но тоже здесь. Так что такое настоящее, дочь Магуса?

– Ты меня знаешь? Кто ты?

– Я Аргус. – Глаза-звезды окатили ее холодным светом. – Тень его, сошедшая в Аид. Твой дух в преддверьях Тартара. Ты далеко от Внешних Земель, дева, очень далеко.

– Ты, Аргус, мертв, и тень твоя сошла в подземное царство мертвых. – Дженни вспомнила слова деда. – Но как я оказалась здесь?

Титан молчал, глаза его мерцали, ощупывая лучами Дженни, и непривычный запах клубился, окутывал ее. Запах сладковатый, тонкий и влажный.

«Успокойся, – звал этот аромат. – Довольно метаться и страдать, смирись. Не лучше ли остаться здесь, в прохладной тьме, возле подземной реки, и глядеть, как твои воспоминания уносит текущая черная вода, даруя взамен блаженство забвения? Смирись, дева...»

– Не лучше ли остаться... – послушно повторила девушка, чувствуя, как покой окутывает ее, как прозрачное одеяло ночного тумана.

Ее мягко качнуло, странное оцепенение схлынуло.

– Аромат асфodelей¹⁷ не для душ живых, – блеснули глаза-звезды. – За этим ли ты пришла сюда, дева?

– Я не знаю, как вернуться, – вяло возразила девушка. – Позволь мне остаться здесь... с тобой.

Загребая воздух лапами, к ней приблизился львенок. Он оскалился, шерстка стояла дыбом, глаза яростно горели. Зверек подобрался ближе, почти лег на грудь, энергично фыркнул в лицо – и мгновенно выдул всю слабость.

– Помоги мне, – попросила Дженни. – Наверное, я за этим здесь. Что мне надо сделать, чтобы выбраться?

– Найди тот вход, который привел тебя сюда.

– Но как? Тут же тысячи звезд, как я его отличу?

– Научись видеть, а не смотреть... В этом твоя сила.

Аргус замолчал. Дженни глубоко задумалась. Она качалась на бесплотных ладонях титана и изо всех сил пыталась что-нибудь увидеть. Но чем сильнее она напрягалась, тем темнее становилось вокруг, а холодные огни пылали все ярче, и она никак не могла найти тот вход, сквозь который провалилась.

«Надо успокоиться, – поняла девушка. – Если я сплю, а проснуться не получается, то тогда... может, попробовать заснуть во сне?»

Она замерла, повисла в пространстве.

Да уж, в такой постели она еще ни разу не засыпала! В ладонях погибшего титана, под прицелом тысяч его глаз, в преддверии Тартара... что бы и где бы это ни было.

Она попыталась сосредоточиться на одной из звезд, то есть видеть один глаз Аргуса, но так ничего не получалось.

«Как же перестать думать?!»

Дженни стала смотреть мимо всех глаз Аргуса, в темноту, стараясь не задерживаться ни на одной звезде.

Тьма...

Тьма Тартара, даже в космосе нет такой тьмы – безысходной, непроглядной, бессердечной. Этой тьмы никогда не касался свет солнца, и даже прозрачные пальцы луны никогда сюда не проникали. Только тусклые глаза-звезды Аргуса мерцали здесь – памятью мертвого титана, тенью его силы они питались и освещали лишь сами себя.

И Дженни распахнула свое сердце этому мраку, упала в него спиной назад и полетела вниз, потому что Аргус выронил ее из ладоней.

Она падала вниз головой в крошечный мрак, как метеор, и золотой искрой мчался за ней следом верный львенок.

¹⁷ У нас, во Внешних Землях, существует 20 видов асфodelей – красивых многолетних растений из рода лилейных. Но существует 21-й вид асфodelей – *Asphodelus mortuus*, который цветет лишь в царстве мертвых, на берегах реки Леты. Души, шедшие от переправы Харона, проходили белоснежными асфodelевыми лугами. И каждый, кто вдыхал аромат этих цветов, навсегда забывал о мире живых.

«Каждую ночь солнце уходит во тьму, чтобы воскреснуть снова, – родился внутри нее голос. – Семя умирает в земле, чтобы родился и вытянулся росток ясеня. Не надо бояться меняться, Дженни, ибо в этом суть жизни».

«Я не боюсь, – стиснула зубы девушка, – я ничего не боюсь. Не должна бояться. Только... смогу ли я подняться?! Или останусь здесь навсегда?..»

Голос молчал. Она падала бесшумно, прорезая бесконечные слои мрака, и тысячи глаз Аргуса проникали ее насквозь, разбирали по атомам то, что некогда было Дженни Далфин, юной акробаткой из цирка Магуса.

А потом тьма захлестнула ее полностью, и Дженни не стало.

Тишина.

Пустота.

Вечность.

Из невероятного ничего высклалась искра ее сознания – и низ стал верхом!

Дженни уже не падала, а возносилась вверх, и звезды вокруг и внизу начали мерцать и бледнеть, словно здесь, в вечной тьме, забрезжило робкое сияние еще не взошедшего солнца. Звезды таяли, и лишь одна, прямо над головой Дженни, сияла все ярче.

А потом звезды разом погасли – Аргус закрыл глаза, догадалась девушка. Осталась лишь одна-единственная звезда, к которой они поднимались вместе с фоссеньшем.

Она на миг взглянула вниз, только на миг – и бездна распахнулась под ее ногами. Чудовищный колодец, провал в бесконечность, заполненный тьмой тысячи оттенков, самый непроглядный из которых клубился на дне.

На краю этой бездны застыла титаническая фигура – призрак, сотканный из холодного тумана, полный синекрылых мерцающих бабочек-глаз. А там, ниже его, в безымянной глубине, поднимались и ворочались такие тени, перед которыми Аргус казался лишь мотыльком.

– Вот ты и увидела, – донеслось издалека. – Теперь этот взгляд останется с тобой.

– погоди! – крикнула девушка. Ее несло все быстрее, она уже различала неровные очертания норы. – Как же... я... так ничего и не узнала! Ни про Тартар, ни про Нижний мир...

– Приходи, если сможешь, – прошумел Аргус. – Впереди вечность...

Дженни не расслышала, что еще сказал титан, – она пронеслась мимо стен норы, пронизанных корнями и корешками, и, распугивая жуков, пауков, червяков и прочую мелкую живность, вылетела наружу, как пробка из бутылки.

Ей на спину с обиженным ворчанием приземлился фоссеньш, его когти прохватили ткань блузки и царапнули кожу.

– Ай! – От боли она тут же пришла в себя.

Она рывком села... и быстро-быстро отползла спиной назад обратно к норе. На поляне вокруг сияющего дерева бродили каменные громады. Мощные тела, составленные из замшелых гранитных скал, сбитые из камней руки и ноги, головы – криво посаженные валуны с шапками сухой травы и глаза – пылающие провалы, в которых трепетал, будто в клетке, живой солнечный свет.

«Хумм!» – тяжело ударялись каменные ступни о землю, проминая ее, и из глубины оживших скал доносился глухой прерывистый скрежет.

Чудовища не видели ее. Пока.

– Малыш, иди сюда, – шепотом позвала львенка Дженни. Но он стоял прямо на пути шагающих глыб.

«Откуда они вылезли?! Что это такое?!»

– Сюда иди! Раздавят! – громко шепнула она.

Львенок повернул голову.

– Мне нужно имя! Назови меня по имени! – крикнул он звонким, с легкой хрипотцой, мальчишеским голосом.

– И все-таки ты разговариваешь...

– Мне нужно имя, Джен, – настойчиво сказал львенок. – Иначе мы останемся здесь.

– Так скажи, как тебя зовут! – воскликнула девушка.

Слишком громко – несколько монстров остановились и медленно повернулись к ней.

Глаза их запылали ярче.

– Грхрм... – глухо пробормотал ближайший к ней каменный великан и шагнул вперед. Земля содрогнулась. Его собратья двинулись следом.

– Что значит «грхрм»?! – воскликнула Дженни и быстро полезла в нору.

Львенок заслонил путь чудовищу – маленький и смешной, он вздыбил загревок и громко зашипел.

– Ты что, с ума сошел?! – завопила Дженни из норы.

– Дай мне имя! – звонко крикнул он. – Только ты это можешь! Иначе мы навсегда останемся здесь!

– Да чтоб вы провалились! – Девушка вылезла и поднялась на ноги. – Ты хочешь имя...

Чудовище быстро шагнуло вперед, нависнув над фоссенышем.

– Грхрм! – повторил монстр и придавил ногой львенка – вернее, попытался. Тот успел вывернуться и отскочил в сторону. Но страшный удар каменного кулака вспахал землю и отшвырнул львенка к дереву – второе чудовище подобралось удивительно тихо.

Фоссеныш поднялся и, пошатываясь, отступил к ногам девушки.

«Это все ненастоящее! – твердила Дженни. – Все это сон!»

Тень накрыла ее, но в тени этой не было холодно – сухой и злой жар шел от ожившего гранита.

– Вас нет, вы мне снитесь! – крикнула Дженни в нависшее над ней огромное лицо – безобразную пародию на лицо, которая складывалась из выступов и впадин гранита. Изломанная черная трещина рассекла камень, и оттуда вывалилось тяжелое, полное злобы:

– Человек...

Дженни глубоко вздохнула – как всегда, наступала безвыходная ситуация.

– Да, человек, – холодно подтвердила она с неожиданным спокойствием.

Великан с хрустом сжал кулак, рассыпая мелкую каменную крошку, и воздел его над головой.

Дженни взглянула на львенка, готового метнуться в безнадежной атаке – навстречу любой, самой страшной угрозе.

«Прости меня, малыш. Я так долго не замечала тебя. Твоей преданности и силы, твоей чистоты и ясности...»

Взгляд Дженни струился, как ручей, – неразрывный взгляд, для которого нет тайн, а все есть лишь страницы великой книги. Надо только попросить, и любая загадка раскроется, будто раковина от нежного прикосновения прилива. Не сосчитать песчинки в русле ручья, но поток знает каждую из них.

– Тебя зовут Лас! – прокричала Дженни. – Лас – пламя!

Львенок замер, повел ушами, будто не веря, и... каменный кулак тяжелым молотом обрушился на Дженни.

На пути его поднялась рыжая стена, сбила удар взмахом лапы, и кулак ухнул рядом с Дженни. Но та даже не заметила. Девушка не сводила глаз с огромного буйногривого льва, выросшего перед ней. Тело его, вытянутое, поджарое и мощное, пылало красным золотом, а грива пламенела, почти затмевая свет дерева.

– Залезай! – проревел лев. – Нам пора возвращаться!

Дженни проворно вскочила на спину льву и вцепилась в гриву.

«Моему льву! – поняла она с ликующим восторгом. – У меня есть настоящий мадагаскарский лев! Про которого Марко говорил – тот самый, вымерший огромный лев! Ай да малыш!»

– Я Лас! Я пламя! – взревел лев, и ветер заметался в узком каменном лабиринте оживших скал, взметая прозрачные листья и шатавая сияющие ветви. – С дороги, тупые тролли!

Великаны попятились, но затем упрямо шагнули вперед, смыкая кольцо.

– Держись крепче! – Лас двумя ударами лап опрокинул ближайших к нему троллей, только гранитные брызги разлетелись из-под лап, и, оттолкнувшись, одним прыжком перемахнул через троллей.

Неповоротливые громады только разворачивались, а лев уже длинными прыжками мчался по темному полю, унося на спине девушку.

...«Тролли?»

Дженни очнулась, когда дерево, нора и чудовища остались позади. Далекий свет ясеня еще дрожал за спиной, едва дотягиваясь до них, а ночь вставала вокруг в своем могуществе. Ночь лежала на полях, ночь пила росу с листов клевера и раскатывала многозвездный ковер над землей. И только пламенногривый лев, мчащийся по клеверному полю, не давал ей окончательно сомкнуть объятия над этим миром.

Дженни держалась за гриву, и языки живого огня пылали в ладонях.

– Лас, – позвала она друга новым именем и почувствовала, как в ней шевельнулось узнавание – это было *его* настоящее имя. – Лас, ты хотел, чтобы я тебе дала имя... потому что...

– Потому что сам я его не знал, – подтвердил лев. – Только ты могла его отыскать. Подлинное имя дает силу. Ты увидела мою суть, Джен, ты поймала мое имя в ладони и назвала его. И теперь я *полон*.

– Где мы, Лас?

– Нигде, – ответил лев, перейдя на размеренный бег. – Не бойся, они за нами не пойдут, Джен. Они не в силах уйти от Дерева.

– Как это нигде? Мы же на берегу... – Дженни осеклась. Вокруг не было ничего – не было даже тьмы и звезд, а лишь клубилась серая мгла, и под лапами льва шуршал мелкий сухой песок.

– Куда нас занесло?

– Это место между мирами. Бесконечная равнина, которую невозможно пересечь.

– Лас... но как же тогда мы вернемся?

– Я не знаю, – просто сказал лев. – Только ты можешь нас вывести. А я буду нести тебя, пока хватит сил.

Дженни оцепенела. «Как – опять ей все решать?!»

– Милый мой, как?

– Слушай... – отрывисто бросил Лас. Он все больше разгонялся, и воздух бил Дженни в лицо, выжимал слезу.

– Куда ты летишь? Береги силы!

– Почуяли... – фыркнул лев.

– Кто почуял? Ты же сказал, что за нами никто не погонится! – Дженни судорожно оглядывалась – ей показалось или в тумане, обступающем их, мечутся злые тени?

– Псы. Загонная стая Охотника. – Лев напрягал все силы, он мчался длинными прыжками, вытягиваясь, как пылающая молния, и разговор давался ему нелегко. – Джен, ты должна услышать мелодию. Она выведет.

– Какую мелодию? – Девушка опустила голову, зарылась в сияющие пряди гривы.

«Ничего не хочу знать».

От Ласа пахло свежестью летней ночи и веяло теплом костра, и Джен закрыла глаза, убаюканная ритмом его движения.

«Ничего не хочу делать. Хочу мчаться так вечно – сквозь ничто в никуда и держать в ладонях живое пламя... А там наверху пусть кто-нибудь решает за меня».

Где-то на самом краю сознания кружилась какая-то мысль, нет, просто некое новое чувство – кружилось, вертелось, то отдалялось, то усиливалось, словно кто-то разматывал красную путеводную нить, словно кто-то звенел серебряным колокольчиком и отбивал ритм...

– Лас! Лас, я слышу! – Дженни подскочила, будто ее степлером пришили. – Слышу!

– Это хорошо, – повел головой лев.

Туман вскипел, порождая призрачных гончих Охотника.

Два пса, два слепых белых пятна, словно ожившие сгустки тумана, выскочили справа и слева и помчались рядом. Они сходились, метя клыками к горлу льва, и глаза их струили кровавое пламя.

– Держись! – рявкнул Лас.

Он взрыл передними лапами землю и резко бросил тело вправо – навстречу одному из псов.

Дженни трянуло – она вцепилась в гриву и зажмурилась. Когда она открыла глаза, пес валялся на серой земле. Черная кровь, дымясь, стекала из разорванного белесого горла, а в глазницах медленно гасли багровые огоньки. Второй, оцетинившись и оскалив зубы, отступал в туман.

– Лас...

– Музыка, Джен, слушай музыку! – оборвал ее лев. – Тянись к ней, и мы найдем путь. Иначе следом за этими псами придет вся стая. И приведет Охотника.

Дженни пробрала дрожь. Ей вовсе не хотелось знать, кто такой этот Охотник и какую добычу он преследует в этой безжизненной пустыне. Она сосредоточилась на музыке, и та зазвучала отчетливей. Кажется, Дженни понимала, в каком направлении надо двигаться.

– Слышу, Лас! Туда!

Лас прыгнул вперед, и Дженни чуть не слетела на землю. Она оглянулась. В молочном вареве, клубящемся позади, разгорались красные огоньки.

– Сколько их? – Лас мчался, и мышцы перекачивались под янтарно-золотистой шкурой, но они будто стояли на месте – вокруг ничего не менялось. Лишь ветер, бьющий в лицо, и песок, вихрем уносящийся назад, показывали, что лев бежит изо всех сил.

– Не знаю... Если по одному глазу считать, то очень много. А если по два, то чуть поменьше.

– Стая пришла. – Лас встряхнулся и припустил еще быстрее, хотя это, казалось, уже было невозможно.

Дженни прижалась к его спине, спрятала голову от набегающего потока воздуха, закрыла глаза и стала *слушать*. Пальцы ее сами по себе стали выстукивать ритм, пробивающийся изнутри, как тайный ток воды сквозь песок и скалы.

– Только не открывай глаза! – прорычал Лас. – Ни в коем случае не открывай глаза!

Дженни кивнула – музыка заняла все ее внимание. Ей казалось, она уже различает слова, и это слова забытого ею языка, чья память дремлет в крови.

– Razrubili eto drevo, Razrubili eto drevo, na chetyre chasti...

Что-то изменилось. Она сперва не поняла, выбивая всем своим существом рисунок путеводного ритма, но потом почувствовала – ветер! Ветер пах морем и под лапами льва шелестела трава.

– Почти... – хрипло выронил Лас. – Мы почти выбрались, Джен.

Звук наполнил небо и докатился до земли. Глубокий и низкий, он тянулся бесконечно, как тянется тягостный кошмар, от которого нельзя проснуться. Так много скорби и ужаса в этом голосе, что сердце ноет и кости откликаются ему мелкой дрожью...

Дженни обдало морозным холодом. Она невольно открыла глаза.

Луна плыла над полем темного клевера, и Дженни отчего-то знала, что каждый лист здесь из четырех лепестков. И все листы высеребрены ночной влагой, помазаны лунным светом, и легкий ветер гуляет по верхушкам трав...

Девушка оглянулась – безжалостно топча клевер, след в след за пламенногривым львом мчалась Стая белых гончих. А над ними, в небе, пронизанном светом огромной луны, летела кавалькада всадников.

Призраки летели на конях чернее смолы, в изодранных плащах, летели, как сон, как осенняя паутина, как последний вздох умирающего. Они летели – и нагоняли!

Первый всадник, тот, кто возглавлял эту жуткую процессию, поднял рог, и невыносимо ужасный звук вновь наполнил пространство.

Охотник увидел дичь.

И Стая с воем рванулась вперед, охватывая туманными крыльями золотого льва.

– Лас... – Горло Дженни перехватило.

– Я Лас-пламя! – весело откликнулся лев, и грива его вспыхнула ярче солнца, так, что зайчики заплясали в глазах девушки. – Мы успели!

Свет отбросил гончих, и призрачные кони на миг сбились со своего неумолимого шага, и в этот момент поле кончилось – лев оттолкнулся от обрыва и бросился в провал пропасти, на дне которой ворочался многозубый и пенный зверь моря.

Глава 7

«Разобьемся!»

Она заполошно замахала руками. Где-то рядом звучал гулкий барабан и чей-то знакомый голос пел песню на незнакомом языке – протяжном, певучем, мягком. Песня качалась, как лодочка на волнах причудливого ритма, – вверх, вниз, вниз, вверх, снова вниз...

Da sdelali s jetoj drevy,
Da sdelali s jetoj drevy
Gusli zvonchatye, gusli zvonchatye...

«Что это за язык? – подумала Дженни. – Я еще не проснулась?»

Она попыталась открыть глаза, но тяжелые веки слипались. Ее повлекло назад, на постель из клевера и пальто Марко.

Песня и ритм оборвались.

– Тише, тише! – Чья-то рука ее подхватила.

Марко, конечно же это Марко. Он погладил ее по волосам.

– Я еле выбралась оттуда, – прошептала Дженни.

– Джен, что ты видела?

Девушка села.

– Ох... Так сразу не расскажешь. Сначала там было светящееся дерево. Потом из земли вылезли каменные тролли. Потом я провалилась в нору под деревом...

– Дерево с сияющими листьями? – напряженно уточнил Марко. – И ты прошла сквозь нору под его корнями?

– Ты как там был, дед. Зришь в корень. Что-то меня шатает...

Дженни еле ворочала языком. Она опустила обратно на пальто.

– А еще там был Аргус...

– Как Аргус? Титан? Ты общалась с титаном?

– Он грустный, – пробормотала девушка. – В этом месте, под деревом, там темно и одиноко. Мы немного поболтали. Кажется, ему понравилось.

Она зевнула.

– Не надо спать. – Марко деликатно, но настойчиво потряс ее за плечо. – Тебе нельзя сейчас спать.

– Отстань... – Дженни завернулась в пальто, прижала вялого со сна львенка.

– Выпей. – Чашка горячего бульона, которую он почти насильно влил в Дженни, встряхнула ее.

– Ого... – Девушка приподнялась. Тяжелый липкий сон моментально отступил. – Что за варево?

– Потроха черных жаб, перо феникса, сушеная шкурка саламандры...

– Что?!

– Шутка! – Марко завинтил термос. – Просто говяжий бульон со специями. Так ты видела его? Белый ясень с ветвями до небес?

Девушка кивнула.

– А оленей? Прекрасных белоснежных оленей, которые щиплют листву ясеня?

– Нет там никаких оленей. Наверное, их тролли сожрали, – Дженни поежилась. – Они бы и меня прожевали и выплюнули, если бы не Лас.

– Кто?

– Львенок. – Девушка потрепала зверька по плотному загривку. – Он молодец. Не думала, что он такой красивый.

– Ты о чем?

– Все, как ты сказал. Мы с ним разговаривали! Вот как с тобой. А потом он превратился в льва. Или пантеру. Нет, все-таки в льва. У него грива огнем горела, представляешь?

– Так ты дала ему имя? – задумался фокусник. – Там, на Дороге Снов, ты нашла его?

– Ага. А потом мы еле ноги унесли от своры злобных собак-альбиносов и всадников-призраков! В общем, это был самый мощный сон, какой я видела.

– Это был не сон. Ты была на Дороге Снов.

Дженни пожала плечами:

– Какая разница? Кажется, в Магусе просто любят вычурные слова.

Марко пропустил ее реплику, он о чем-то думал. Постукивал пальцами по барабанчику. Дженни этого барабанчика раньше не видела. Бочонок шириной в ладонь и длиной в две. Кожа с необычным рисунком и странным оранжевым отливом.

– Клеверное поле, ясень, тролли и нора, – пробормотал Франчелли. – Тартар и Аргус. Аргус! Подумать только, с первого раза и так далеко забралась.

– Так ты хотел меня в эту нору запихнуть?!

– Конечно, – фокусник был невозмутим. – Первая ступень посвящения в том и заключается. Пройти вратами Нижнего мира и выйти обновленной. Только этого не должно было произойти в твоё первое путешествие. В следующий раз тебя надо сопровождать.

– Вот спасибо! – Дженни возмущенно фыркнула. – Я не готова. Только подойди со своим зонтиком!

Фокусник затянул барабанчик в чехол, убрал его в сумку.

– Зонтик больше не нужен. Теперь Дорога Снов всегда открыта для тебя. Она может распахнуться в любую из ночей. Если ты не научишься себя контролировать.

Дженни вздрогнула. Она ляжет спать в кровати, а окажется где-нибудь в Тартаре?

– Вот что я тебе сделала? Зачем ты на мне эксперименты ставишь? К трюку надо готовить!

– Меньше чем через месяц ты столкнешься с самыми отвратительными созданиями, каких только может измыслить извращенная человеческая душа, – ответил Марко. – Я хочу, чтобы ты вернулась живой.

– И как мне поможет кроличья нора и мертвый титан?

Франчелли поднялся, выдернул из-под девушки пальто. Дженни поневоле пришлось встать. Львенок крепко спал, чуть подергивая хвостом. Спасение Дженни далось ему нелегко, так что девушка взяла фосу на руки.

Они перелезли через стенку и пошли обратно, спускаясь с обрыва по извилистой тропинке. Вечернее солнце простирало на половину неба свои лучи-руки из-за далеких облаков на горизонте, и море казалось чашей янтарного меда, почти недвижимой – лишь мелкая дрожь рябила его поверхность.

Стоял штиль. Воздух был светел и желто-прозрачен.

– Ты помнишь чайку, которую спугнула? – внезапно сказал Марко, когда они уже шли по Марин-драйв, приближаясь к городу.

Дженни неопределенно пожала плечами. Ей не хотелось разговаривать. Она дулась на деда. А еще, если честно, нюхала розы.

Ах, что за розы цвели в Бакленде!

Белые, розовые, бордовые – всех-всех оттенков. Розы-простолюдинки с широкой душой, которые рассыпали свои махровые бутоны. Едва раскрывшись, они уже торопились отцвести, вывернуться наизнанку, отдавая миру свой аромат до последней капли. Розы-аристократки –

строгие, стройные, скупно cedящие запах сквозь плотно сжатые лепестки. До последней минуты жизни они сохраняли свой силуэт и «держали осанку».

Но слаще и сильнее всех пах простой шиповник. Его высокие кусты, усыпанные белыми бесхитростными цветами, стояли вдоль дороги живой изгородью.

Девушка задержалась у одного из кустов и, приподняв Ласа, разлегшегося на руках, потянулась за цветком.

Зонтик больно стукнул ее по пальцам.

– Ай!

– Для прошедшей первое посвящение ты удивительно безалаберна.

– Почему?! – возмутилась Дженни. – Я хотела сорвать один цветочек. Вон их сколько!

Фокусник вздохнул:

– Неужели ты ничего не чувствуешь? *Взгляни* на шиповник. Ты это уже умеешь. Ну же...

Дженни придержала язык за зубами. В словах Марко звучала не просто нотация, но просьба. Важная просьба.

– Кажется, умею, – призналась она. – Только вот не понимаю, как? Раньше все само получалось.

– Обычно начинающим легче привязать *ясный взор* к какому-нибудь действию, – посоветовал Марко. – Можно тронуть мочку уха, потереть нос или подбородок. Что-то естественное, похожее на обычный жест.

Дженни подумала секунду и нажала пальцами на уголки глаз.

– Отличное решение, – одобрил дед, но Дженни его не слушала.

Ясный взор распахнулся перед ней. Она *взглянула* мимо шиповника и одновременно сразу на весь куст, объемля его целиком – от темных корней, разбежавшихся по трещинам земли и терпеливо поднимающим сок наверх, по стволу и ветвям, до кончиков темно-зеленых листьев, чьи округлые, зазубренные по краю лопасти шевелил тихий ветерок. И куст запылал перед ней изумрудным огнем. Тот тек и переливался в каждой жилке шиповника, трепетал в бутонах и дрожал в листьях. Пламя это было сама суть куста.

– Он живой!

– Ты слышишь, как он поет? – Марко встал рядом и нежно погладил ветку. Та будто качнулась к его руке.

Дженни прикрыла глаза. Удивительно, но изумрудный силуэт по-прежнему пылал перед ней. Она *отворила* слух: это далось куда легче, чем научиться видеть. Надо было просто *слушать*, а не слышать. Безмолвная песнь заструилась в воздухе – такая же бесконечная, долгая, терпкая и прозрачная, как аромат шиповника.

– О чем он поет?

– О воде, которая падает с неба, впитывается в землю, собирается в ручьи и реки, течет в море и поднимается паром в небо. О солнце, встающем каждый день и посылающем свое тепло всему живущему на земле. О ветре, приходящем с моря, – соленом и полном дерзости. О ночных туманах, рождающихся в полях, как дыхание Великой Матери – Земли.

Дженни протянула руку к цветку, и тот доверчиво качнулся к ее ладони.

– Так это называется *ясный взор*?

– Это неотъемлемое качество человека Договора, – сказал Марко. – *Ясный взор*. Это язык, на котором говорит мир, и мы его знаем. Ты не можешь брать и требовать, как «темники», ты можешь только просить. Но зато *твои* просьбы будут услышаны. Знаешь ли ты, каких трудов стоило шиповнику вырастить цветок, который ты хотела сорвать? Сколько соков он поднял из земли, сколько ударов ветра и мороза вытерпел, чтобы раскрыть всего один бутон? Если ты хочешь получить цветок, *попроси*.

Девушка провела ладонью вокруг куста, выбирая, и наконец остановилась возле одного нежного бутона, едва раскрывшегося. Порыв ветра качнул куст. Цветок упал в ее руку.

– Это... – Девушка подыскивала слова, но их не было во всем обширном словаре мисс Далфин.

– Чудо? – скупой улыбнулся Марко. – Да, пожалуй, что и так. Пойдем. А то хозяин дома подумает, что мы решили выкопать его шиповник.

– Кому в голову может прийти мысль выкопать чужой шиповник? – Дженни оторопела.

– Дружок, ты даже не представляешь, насколько богата человеческая природа.

Дорога, пустынная в этот час (впрочем, по окончании туристического сезона Бакленд-он-Си практически вымирал), привела их в город.

На глаза ей попался тот самый флюгер, на котором сидела чайка, когда утром они шли за город. Та самая, «говорящая» чайка, перед которой Марко извинялся за ее поведение. Хотя она ничего и не сделала.

– Так что тогда случилось с чайкой?

– Ты обругала ее, причем довольно грубо.

– Просто палец наставила... – рассеянно заметила Дженни, нюхая сорванный цветок.

– У тебя нет «просто пальцев»? Отныне ты полноправный член Магуса. Ты прошла ритуал Древней Земли, ты выдержала первое посвящение. Каждое твое слово, каждый поступок имеет значение. Я же говорил тебе: у людей Магуса нет магии. Ни огненных шаров, ни молний. Ни проклятий, болезней и порчи.

Дженни подумала, что от пары молний в рукаве она не отказалась бы.

– У Фреймуса монстры и чудовища, проклятия там всякие и весь его колдунский арсенал. А мы, похоже, просто фокусники, стибрившие пару трюков у эльфов. – Девушка закинула фосу на плечо. Зверюга тяжелела с каждой минутой. – Во сне Лас был прекрасным львом. Грива его пылала. Он со мной разговаривал. А здесь он просто сонный львенок, который отдал все руки. Вот выбежит на меня какая-нибудь страхолюдина из лаборатории Фреймуса, я ее веткой шиповника сразу?

– Как-то одного бога убили хилым побегом омелы¹⁸. Я бы не стал недооценивать растения.

– Марко, зачем я зубрила повадки монстров, если у меня нет оружия?

– К чему тебе оружие, если в любое мгновение весь мир готов прийти тебе на помощь?

– Но как? – растерялась Дженни.

Вместо ответа фокусник раскрыл зонт над головой. Девушка зажмурилась – ей совсем не хотелось на Дорогу Снов. Однако Марко решил использовать зонт по прямому назначению – в качестве защиты от дождя.

По небу резво ползли два белых облачка. Дженни хотела съязвить, но внезапный порыв холодного ветра заставил поежиться. Низкие облака напоздали с моря, обкладывали небо, закрывали вечерний свет солнца. Долгий раскат чугунным шаром пробежал от края до края неба, гремя и подпрыгивая на воздушных ухабах. Над островом сверкнула молния. Ветер описал круг в небе, веселой метлой прошелся по улицам Бакленда. Пригнул ветви деревьев, захлопал незакрытыми ставнями окон, закачал фонари и колокольчики у дверей. По улице промчалась газета: дикой птицей она металась от стены к стене, будто стучась в запертые двери и прося ее впустить, а после, не найдя приюта, взвилась в почерневое небо и пропала. Вслед за ветром на узкие улочки и тупики Бакленда опустились быстрые сумерки.

¹⁸ Веточкой омелы, из которой сделали стрелу, был убит скандинавский бог (ас) Бальдр – самый прекрасный и добрый из асов, бог весны и света. Когда Бальдр родился, его мать Фригт прошла по земле и взяла клятву с каждого металла, с каждого камня, с каждого растения, с каждого зверя, с каждой птицы и с каждой рыбы в том, что никто из них не причинит вреда ее сыну. Единственный, кого она пропустила, был росток омелы, который был слишком мал и неразумен. «Разве может повредить моему сыну эта веточка?» – подумала Фригт и прошла мимо. Однажды асы забавлялись, стреляя в Бальдра и меча в него копья – ведь ни одно оружие не могло его уязвить. Однако бог огня Локи разыскал росток омелы и сделал из него стрелу. Эту стрелу он дал Хёду – слепому брату Бальдра, который и убил бога весны.

– Для стороннего взгляда мы – творцы случайностей, Джен, – повышая голос, сказал Марко. Он придерживал шляпу рукой, а другой старался не упустить зонт – тот настойчиво рвался вслед за газетой. – Мы не создаем чудес, Джен, мы их свидетельствуем. Наша магия – это искусство оказаться в нужном месте в нужное время.

– По-моему, это совсем ненужное время! – заметила Дженни сквозь шум набегающего дождя. – И не нужное место...

И тут дождь их настиг. Сперва тонкие нити ударились в мостовую, высекая брызги, а затем надвинулась серая пелена и через секунду уже ручьи бежали вниз к набережной, к потемневшему морю.

Девушка юркнула под зонт.

– Зачем ты это сделал?

– Что? – удивился Марко.

– Вызвал дождь. Дошли бы до дома, тогда бы и показывал фокусы.

– Джен, я не заклинатель дождя.

– Хватит разыгрывать! Сам же сказал...

– Дождю давно пора было пролиться. – Марко сощурился в грохочущее небо. – Я только *попросил* его немного поторопиться.

– И ты здесь ни при чем...

– Разве только капельку, – скалабурил Франчелли. Он передал зонт Дженни и шагнул под ливень.

– Простудишься...

Марко махнул рукой – дескать, пустяки, и Дженни подчинилась – она чувствовала, что дед приготовил еще какой-то аттракцион. Мимоходом она заметила, что на зонте нет зрачков Аргуса – это был обыкновенный черный зонт, каких миллионы во всем мире.

...Так что же, – я могу *попросить* обо всем? – не понимала Дженни. Они уже поднимались по Черри-стрит, где в конце улицы располагалась их гостиница. Дождь лупил по окнам и асфальту, гремел по крышам и шумел в водостоках.

– Нет. Если ты просишь невозможного, этого не произойдет. Например, чтобы река потекла вспять или дерево отошло в сторону, вряд ли это сбудется. Хотя... говорят, что кое-кому удавалось остановить реку. И потом – за всякую просьбу надо чем-то платить.

– В смысле?

– В прямом. Ты одалживаешь чудеса у этого мира. Значит, должна что-то давать взамен.

– Что я могу дать шиповнику? – поразила Дженни. – Удобрений?

– А почему бы и нет? – улыбнулся Марко, открывая калитку. – Давай продолжим завтра. Тебе надо отдохнуть.

Дженни и сама чувствовала, что валится с ног. Сгрузила все еще продолжающего дрыхнуть Ласа на стул на кухне (когда проснется, сам к ней поднимется), сняла пальто и повесила на крючок у двери.

Надела тапки. И остановилась.

Пальто и шляпа Марко были сухими. Абсолютно.

«Нет уж, хватит на сегодня чудес, – решила девушка и пошла наверх. – Без фокусов Марко не может».

На середине лестницы она вдруг вспомнила, что еще в этот ненормальный день ее удивило.

– Марко...

– Что, дорогая?

– А что за песню ты пел, когда я проснулась? И на каком языке? И что за барабанчик?

– Это шаманский барабанчик, – объяснил дед, выходя из кухни с сэндвичем. – Их используют, чтобы ввести человека в транс или чтобы указать путь на Дороге Снов. *Возвратная* песня предназначена для этого же. А пел я на русском.

– На русском?! Ты знаешь русский?! Откуда?

Марко Франчелли – это лучший интернет-магазин накануне Рождества. Никогда не знаешь, какой акции от него ожидать.

– Чтобы твоя кровь откликнулась, – туманно пояснил Франчелли. – Твоя мама была наполовину русской. А ты, соответственно, на четверть русская.

Это добило Дженни окончательно.

– Все, с меня хватит. – Она поднялась в свою комнату и, не расстилая постель, рухнула спать.

«Надо бы расспросить деда завтра о той призрачной охоте и Охотнике с костяным рогом», – расслабленно подумала она, уже уплывая в темноту.

Глава 8

Проснулась она поздно. Марко не будил ее, а Лас такой ерундой принципиально не занимался – он пришел среди ночи и спал в ногах.

Дженни лениво потянулась. К счастью, этой ночью ее ни по каким Дорогам Снов не носило. Нет, ей снился самый обыкновенный сон, составленный из обрывков дневных впечатлений, перемолотый в мелкую кашу.

«Сегодня же суббота! – поняла она. – Выходной. Пол придет. И мы куда-нибудь сходим».

Розалинда Ллойд не оставляла своих попыток завоевать сердце Марко и вела планомерную осаду. Она приносила по утрам блинчики с джемом, развлекала Марко разговорами о климате южной Англии и продолжала использовать внука, чтобы убрать Дженни и остаться с дедом наедине.

Дженни хихикнула. Скорее Луна упадет, чем дед поддастся чарам миссис Ллойд.

«Знала бы старушка, кто такой Марко Франчелли и на что он способен!»

Она вытянула из-под ворота сорочки цепочку с кулоном. Какая же все-таки изящная вещица. С ним она не расставалась с тех пор, как тот смешной человечек... Теодорус, кажется, вручил ей письмо¹⁹.

Когда они охотились за химерой, ей было не до письма, а после... ей вообще ни до чего дела не было.

«Вот уж не думала, что так буду из-за Калеба переживать, – подумала она. – Если сложить все время их разговоров, сколько они были знакомы в Магусе, и полчаса не наберется. Из которых двадцать девять минут – перебранки и подколки».

Когда Калев уходил с Фреймусом, у нее было чувство, что она теряет родного брата.

«Это и значит – связь Магуса? – подумала она. – Тогда... как можно изгнать из Магуса? Все равно что руку отпилить».

Она подняла кулон, серебряный дельфин сверкнул в солнечном луче, упавшем сквозь окно. В глазах дельфина блистали голубые камни.

«Это кулон мамы...»

Она не помнила родителей. В памяти не задержалось ничего, только смутный отзвук песен, только чувство теплоты и ласки, окутывающее ее. Она изучала немногочисленные фотографии из архива Марко, и ей казалось, что она узнает свое лицо в чертах красивой женщины с толстощеким младенцем на руках. Белокурые волосы, продолговатый овал лица, нос, губы – это она взяла от мамы. А от папы, худощавого, стройного, обнимавшего маму на фотографии, – глаза. Глаза глубокой синевы, в которых бродили стальные искорки.

«Я совсем их не помню. – Дженни подняла кулон над лицом и стала медленно раскачивать. – Это неправильно. Но что еще хуже, что я... я не скучаю по ним. Неужели я такая бессердечная?»

Она вздохнула.

«Да, это так. Марко меня вырастил, и я его люблю. Но почему-то так легко, когда я гляжу на этого дельфинчика. Как будто мама совсем рядом».

Внезапная мысль пришла ей в голову, и она села в кровати.

Родители погибли, когда в фургон врезался рефрижератор. Водителя отправили в психушку. Он не мог прийти в себя. Только и твердил, что машина вырвалась из-под контроля и сама пошла на фургончик.

«А что, если фуру заколдовали? Могли маму и папу убить? Но зачем?»

¹⁹ Подробнее читайте об этом в книге «Девочка химеры».

Дженни вскочила. Надо показать кулон Марко! Давно пора было это сделать. Она выбрала желтую спортивную кофту с капюшоном, с трудом вытащила из гордиева узла на своей полке очередные гэповские джинсы – с карманами на бедрах, натянула любимые оранжевые кроссовки.

– Эй, соня, вставай! – Она легонько щелкнула львенка по усам. – Скажи что-нибудь хозяйке.

Лас открыл один глаз и так красноречиво поглядел на Дженни, что стало ясно: что в ближайшие часа три он даже хвостом не шевельнет.

– Ну и ладно. Лентяй.

Дженни сбежала по лестнице. На кухне Марко не было, и она постучалась к нему в комнату.

– Погоди, Джен, секунду...

Но она уже распахнула дверь. И остолбенела.

Посреди комнаты стоял большой пластмассовый таз веселого розового цвета. Фокусник закатал пижамные брюки, залез в таз и в тот момент, когда зашла девушка, выливал на голову ведро воды.

– Брр... – Франчелли поставил ведро и бодро начал растираться полотенцем. – Доброе утро.

– Скажи, а зачем ты штаны закатал? – после паузы поинтересовалась Дженни. – Все равно весь вымок.

– Хм... Это вопрос философский. Я бы был благодарен, если бы ты закрыла дверь с другой стороны. Мне надо переодеться.

– Дед, ты меня пугаешь. Ты решил закаляться на старости лет? Не поздновато? И почему ты... хм, в пижаме? Ты себя хорошо чувствуешь?

– Более чем. – Фокусник встряхнулся. – Брысь отсюда!

Дверь сама по себе захлопнулась перед ней. Дженни отчего-то на цыпочках прошла на кухню. Опасливо села на стул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.